

18+

Никита Капернаумов

# Истоки моих поступков

Книга 2

Никита Капернаумов

**Истоки моих поступков. Книга 2**

«Издательские решения»

## **Капернаумов Н.**

Истоки моих поступков. Книга 2 / Н. Капернаумов —  
«Издательские решения»,

Для тех, кого интересует личность автора. Реконструкция первых тринадцати лет жизни (до 2007 года). Одна из самых больших автобиографий детства — более полумиллиона слов в четырёх книгах. Данная версия — цензурированная для интернет-магазинов. Книга содержит нецензурную брань.

# Истоки моих поступков. Книга 2

**Никита Капернаумов**

© Никита Капернаумов, 2026

ISBN 978-5-0070-3011-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-3004-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Никита Капернаумов — Истоки моих поступков. Книга 2.

Версия от 04 апреля 2026.

\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*

---

## Оглавление Книги 2

\_\_\_ Часть 17.

\_\_\_\_\_ Середина лета 1997 и остаток лета.

>>> Часть 17 текст 1. Пояснения ко всей ранее написанной истории.

>>> Часть 17 текст 2. Покупаем с бабВалей Короля льва,, Человек-паук,, неспешные и Лидушка,, вечерняя прогулка с Валерой и его сыновьями,, простриг плешь ради костей динозавров.

\_\_\_\_\_ Осень.

>>> Часть 17 текст 3. Болота,, с мамой к парку Липки,, в детсаду толкнул девочку,, протолкнуть кошечку в воронку.

>>> Часть 17 текст 4. Отец в Москву,, застеклили балкон,, на работу к деду,, с бабВалей к её знакомым.

>>> Часть 17 текст 5. На Фрунзе серю под раковину,,, в детсаду на втором этаже с пацанами,,, возвращаемся с мамой с Фрунзы в последние дни года,,, про рваньё игрушек,,, игрушечный пистолет,,, Лёша Васильев.

\_\_\_\_ Часть 18.

...1998 — — — — —

>>> Часть 18 текст 1. Новый год,,, Гремлины на Фрунзе,,, диваны,,, всё ещё могут быть хронологические ошибки,,, с бабВалей последний раз на электричке,,, сплин,,, зубодёрня,,, Титаник — начало.

Мне 5 лет.

>>> Часть 18 текст 2. День рожденья,, конец первого детства,, первый день во втором детсаду,, везде всё тает,, лежал с мамой в больнице,, поликлиника и мамин трепет.

>>> Часть 18 текст 3. Кровь из носа,,, фильмы,,, мультики детства,,, о бабе,,, о деде.

>>> Часть 18 текст 4. Мелочи у дедов,, поход на кладки,, о Олеге Николаевиче,, о приведении,, о Ларисе,, о раннем театре с бабой Вале́й,, о Ванессе Мэй.

>>> Часть 18 текст 5. Много дяди Серёжи,, на работе у дяди Серёжи,, покупаем с дядей Серёжей видик,, выбрали котёнка с мамой,, шапито и последний раз в цирк.

## Часть 19.

Лето.

>>> Часть 19 текст 1. Скука бытия на Фрунзе,, с Алиной и Аней,, брожу по двору пока взрослых нет,, хулиганство над дядей Толей и наказание,, Ветер с моря дул,, концерты у лавочки... танцы и мои комплексы.

>>> Часть 19 текст 2. Романтика Саратова вдалеке,, Фатюшкин Лёша опять,, Охотники за приведениями,, сосед на Фрунзе дал велосипед,, на площади и в парке космическая тема,, пацан с манерами,, и я перенял,, с мамой купили огромный велосипед,,

>>> Часть 19 текст 3. Последние походы к Семёновой и пентатоника вечеров,, кролик на Фрунзе,, Мухтар укусил,, видик на улице,, женщина с ведром отстоев,, я дебил носорог и стыд перед Аней,, заметка про стыд и позор.

>>> Часть 19 текст 4. Фантазии о друзьях пока один дома,,, испугался лягушки и задвил,,, съел весь сервелат неэкономно,,, хулиган Серёжа на Фрунзе,, драка.

>>> Часть 19 текст 5. Ненавистная подчинённость детства,, с Алиной и Аней возимся в песке,, с дядей Серёжей поездки и на Шумейку,, к тёте Люсе,, статуэтка цыганки.

>>> Часть 19 текст 6. Какие-то девочки на даче у бабы Вали,, с бабой Валеёй купили Человека-паука,,, с отцом в саратовский горпарк и на лодочках,,, смотрю Человека-паука по телевизору и с мамой к колхозному рынку.

>>> Часть 19 текст 7. С отцом в тир,, на пляже Нептун,, начало Зены королевы воинов,, отец Ани сделал видик,, дал кассеты,, отнесли видик на Льву Кассиля,, засел за Человека-паука,, Ельцин по Полиграфической.

Часть 20.

Осень.

>>> Часть 20 текст 1. Парк юрского периода,, голливудская музыка,, второй детский сад и узлы,, влюбился в Машу,, Саша Емельянов,, Никита Козлов,, каратэ.

>>> Часть 20 текст 2. Её звали Никита,,, Секретные материалы,,, реслинг и добровольцы боли,,, патлачи и рок гитары.

>>> Часть 20 текст 3. Отец уезжает,, лывакассильщина с мамой,, покупаем велосипед Кросс,, начало подготовительного лица.

>>> Часть 20 текст 4. Шнурки,, ненависть к выходам из дома,, ненависть к учёбе.

>>> Часть 20 текст 5. Ни в кого не влюбился в лицее,, немного о любви и критиканах,, Люба Седнева,, тёплая одежда,, холод,, резь в письке,, в поисках пуховика,, хожу в бассейн в Саратове.

>>> Часть 20 текст 6. Моё рисование,, все вечно хвалят,, устроились в Дом архитекторов,, утомления и больная башка.

>>> Часть 20 текст 7. Время маминого занятия мною и попыток жить как все,, покупка видекамеры,, и немного про дегродш,, в саратовское кафе,, морская свинка.

>>> Часть 20 текст 8. Мультфильм До начала времён,, немного про динозавров и мои первые мифологии,, поездка в филармонию,, Человек-паук и драка,, ТюЗ и почему не понимал спектакли.

## Часть 21.

...1999 — — — — —

>>> Часть 21 текст 1. Новый год,,, Дикаприй,,, снова про реслинг и опасность театра Станиславского.

>>> Часть 21 текст 2. Во двор чтоб не сидел как домосед,, коньки,, драка с пацанами,, всякое гопничество.

>>> Часть 21 текст 3. Фильм Вор и комплексы,, бесполезное увлечение ящерицами.

\_\_\_\_\_ Мне 6 лет.

>>> Часть 21 текст 4. День рождения шесть лет,, последняя Инга,, Люба с бабой,, дядь Серёжа дарит Титаник,, основное про Титаник,, вдохновение змееводом-дневниководом.

>>> Часть 21 текст 5. Листаю энциклопедию,, разговоры с мамой о рождении,, в детсаду первый и последний раз поспал и посрал,, потеря контроля.

>>> Часть 21 текст 6. Обосрался,, с детсадом в зубную поликлинику,, сломал палец,, немецкий язык,, Оля,, конец детсада.

\_\_\_ Часть 22.

\_\_\_\_\_ Лето.

>>> Часть 22 текст 1. Дед купил машину,, с Алиной к аттракционам,, Король лев два и персонажи,, Зира,, Мортал комбат,, эмбрион быдла.

>>> Часть 22 текст 2. Идея сдавать траву в аптеку за деньги,, кассета Мумия и будущее музыкальное аутсайдерство,, абрикосовые косточки и Аня разыгрывает для меня сцену.

>>> Часть 22 текст 3. Уже умею плавать,, /// бджэыкью ювлз\\ \\, в лес на Мосто-отряд с мамой и отцом.

>>> Часть 22 текст 4. Кулугуры отца,, с дедами в Подстепное.

>>> Часть 22 текст 5. Ночёвка у тёти Люси,, нехватка друзей,, на дачу к тёте Люсе,, ремонт на Льве Кассиля,, турник.

\_\_\_ Часть 23.

>>> Часть 23 текст 1. ///Йюрпспююхёэ оеяпждй млб\\ \\.

>>> Часть 23 текст 2. Подготовка к школе,, пиджаки,, дядьСерёжа-силач,, с дядьСерёжей ездили есть кашки и ещё в столовую,, с неспешными в музей Льва Кассиля и кривые зеркала.

>>> Часть 23 текст 3. Первая поездка на море с Емельяновыми на автобусе.

>>> Часть 23 текст 4. Аллергия,, кассета Годзилла,, художественные рассказы не идут,, записи из тетрадки рептилофила.

>>> Часть 23 текст 5. Финальная часть лета на Фрунзе,, наказания от бабы,, шляпа деда,, кидаемся камнями с пацанами.

>>> Часть 23 текст 6. Фрунзенский коровий сюрреализм,, в гости к Ане и Алине,, мама купила компьютер дяде Серёже,, страдание фигнёй на Фрунзе.

\_\_\_ Часть 24.

\_\_\_\_\_ Осень 1999 пошёл в первый класс.

>>> Часть 24 текст 1. Первое сентября,,, почему и где плачу,,, дети,,, Анна Викторовна,,, родительские союзы и ямакий тупик.

>>> Часть 24 текст 2. Немного о уроках в классе,,, едовой стресс и трюк с тарелкой,,, Динара,,, ералашевские ухаживания.

>>> Часть 24 текст 3. Дома у телевизора,,, передачи и фильмы,,, рыцарь дорог,,, птеродактиль,,, мамина работа,,, первое блять,,, приход пуховиков.

>>> Часть 24 текст 4. Уроки и порки,,, психология ненависти к школе и неконформность.

>>> Часть 24 текст 5. Поликлинический стресс,,, спим с мамой.

>>> Часть 24 текст 6. Кровь из вены,,, идём к дедам,,, Алина,,, ноябрьская Фрунза,,, фобии по гениталиуму,,, Кузя.

>>> Часть 24 текст 7. Костюм и рептилоидный бзик,,, начало видеокамеры,,, в гости к маминим знакомым.

>>> Часть 24 текст 8. В посёлок к сыновьям дядьВалеры,,, фристайло и продвинутые парни,,, дофаминовый эскапизм в свои утопии,,, новогодние ёлки,,, конец года.

\_\_\_ Часть 25.

...2000 — — — — —

>>> Часть 25 текст 1. Подарки кассеты,,, анемичная тётя Лариса родила Аню,,, про развод родителей.

>>> Часть 25 текст 2. С бабВалей к её знакомой и пацану,,, отец пишет картины,,, Фильм Анаконда,,, нарушитель норм,,, эскапизм в инфантильное и трусость.

>>> Часть 25 текст 3. Львакассильщина и стирки,,, «калиновые рощи рябины»,,, квартирный затворник,,, Бивис и Баттхед,,, лото и другие игры.

\_\_\_\_\_ Мне 7 лет.

>>> Часть 25 текст 4. День рождения,,, ударил Полину,,, Джо Янг,,, бабвалины спагетти, чужие люди и извращения,,, подарки с черепахами.

>>> Часть 25 текст 5. Мортал Комбат и кассета с сериалом,,, с мамой на Мостоотряд и её обиды,,, первая кошка.

>>> Часть 25 текст 6. Английская гимназия в Саратове,,, книжные магазины,,, дядьСерёжа подвозит,,, ездим с Любой Седневой,,, появляется компьютер в доме.

>>> Часть 25 текст 7. Последние недели в первом классе,, открытие Стелы на набережной и первый раз один на улицу,, Путин президент,, экзамены в гимназии,, выебон из-за айкью тестов и провал,, конец первого класса.

\_\_\_ Часть 26.

\_\_\_\_\_ Первый класс кончен. Лето.

>>> Часть 26 текст 1. БабКлава устроилась в военкомат и начало темы армии,, мама выгнала из дома из-за ублюдка Серёжи,, основное про рептилий,, мух.

>>> Часть 26 текст 2. Поездки с дедами на рыбалки,, выставка впервые вижу игуану,, открытка маме.

>>> Часть 26 текст 3. С девочками на Фрунзе,, сериал Смертельная битва по телевизору,, на Льве Кассиля сериал,, пляж и Неспешные.

>>> Часть 26 текст 4. На Фрунзе,, в магазин один,, черёмуха и трюкачество,, невыносимая скука,, поездка с замкнутым дедом.

>>> Часть 26 текст 5. К Козлову на день рождения,, на ярмарку,, первые походы за хлебом,, на набережную с мамой и там шакалы.

>>> Часть 26 текст 6. У отца магазин картин,, фэнтези картины,, блеванул в дороге,, с бабВалей по базарам и кассетам,, в больницу с мамой.

\_\_\_ Часть 27.

>>> Часть 27 текст 1. Фантазии ////л ошрйэу о гванфияйж,, Элю инолтиюрщ снюбёйлз,, ёвдё клазпъ амкрядж з ляфюкл рвиркюаигвлзж,, \\\собаки за задницу,, гопничество над Алиной,, кидались камнями,, гипернаказание по заявке,, с писаниной жопа,, молочные зубы и взрослые обиды.

>>> Часть 27 текст 2. Маюсь в скуке на Фрунзе,, инфантилизм на Персидской,, попал камнем в голову ублюдку,, страх тюрьмы мамы,, покупаем мне Кена,, гуляем с виновницей моего рождения.

>>> Часть 27 текст 3. На юг в Анапу с Емельяновыми второй раз,, гостевой дом и окрестности,, на пляже,, влюбился в девочку,, заболел,, москвичи и игуаны,, кто-то утонул,, Саша повздорил,, а мне досталось.

>>> Часть 27 текст 4. Компьютер зачаровывает,, на Фрунзе нашёл яйцо,, пошёл искать Динару,, вернулся и «Фар хорайзонз»,, накануне перед гимназией обида на маму.

\_\_\_ Часть 28.

\_\_\_\_\_ Осень 2000 в гимназию второй класс.

>>> Часть 28 текст 1. Первая поездка в гимназию в Саратов,, первое сентября и описание здания,,, список одноклассников и о них.

>>> Часть 28 текст 2. Первые дни поездок,,, всякие мамы знакомые подвозят,,, возвращения по Саратову с мамой,,, парк Липки,,, старый жил фонд,,, мамина трудовая книжка и в Гражданпроект,,, максимальный Саратов,,, автобусы ПАЗ до Энгельса.

>>> Часть 28 текст 3. Про уроки,,, предметы,,, информатика и игры,,, мифология и её дурь,,, хореография,,, или как Ерокин,,, или пиздец,,, кассета про ловцов аллигаторов,,, я — документалист,,, а не художник.

>>> Часть 28 текст 4. На Фрунзе,,, с учёбой всё ОКей,,, отец — филолог,,, но не академист,,, ностальгическая осенняя бродилка по двору в Скайриме,,, в гимназии уже влюбился,,, близняшки Милен Фармер и фригийский лад,,, библия и манящее средиземноморье,,, третий глаз.

#### \_\_\_ Часть 29.

>>> Часть 29 текст 1. Начало Баффи,,, с мамой на кошек,,, в парк победы и на Лысую гору,,, папоротники,,, крыс Пики.

>>> Часть 29 текст 2. Отложенная порка от мамы,,,//// «оёпызю лрбэйзпю»,,, \\\калино-рябиновый расцвет,,, пытка щами и спасительные звонки тёти Лены.

>>> Часть 29 текст 3. Ноябрьская серость,,, Саша в гости,,, я — некрофоб и психослабак.

>>> Часть 29 текст 4. Классическая раннеутренняя поездка в гимназию с отцом,,, эскапизм инфантилизмом и романтической фантазией по дороге,,, по Горького до гимназии,,, возле класса.

>>> Часть 29 текст 5. Возможное запоздание про некрофобию,,, про влюблённость в Машу Ермакову,,, Гаудуамус Игитур,,, истерика с пианино и про невезение найти своё дело,,, в актовом зале над Ермаковой,,, посвящение в гимназисты и моё отчаяние,,, загон по новогодней атрибутике.

#### \_\_\_ Часть 30.

...2001 — — — — —

>>> Часть 30 текст 1. Подарки кассеты и книги,,, озабоченность и отчаяние,,, энциклопедия на диске и идиллия новогодних дней,,, к тёте Ларисе,,, водный мир и лошки в фильмах-сказках,,, про смерть в фильмах и возрастные ограничения,,, к Шурыгиной.

>>> Часть 30 текст 2. Зимние горки на Фрунзе,,, зимнее гопничество над Алиной,,, родители в профилакторию,,, а я на Фрунзе.

>>> Часть 30 текст 3. БабВаля в Лукойле,,, с бабВАлей сталкерим Машу,,, о Маше.

>>> Часть 30 текст 4. Про уроки,, доинтернетная скудность информации,, в Радищевский музей и о бесполезности всех этих окультуриваний,, об одноклассниках во взрослости.

>>> Часть 30 текст 5. Калины-рябины и майонезный прилёт,, театр во время ада,, баба тоже порет,, Конан на Фрунзе,, в школьном дворе супермомент с Машей.

\_\_\_\_\_ Мне 8 лет.

>>> Часть 30 текст 6. День рождения,, Шурыгина дарит Мурку,, начало Мурки,, Дже-нифер Лопес на эМ Ти Ви и не вижу смысла в учёбе,, пишу рассказ об умирании чтобы//// ннбонфжщ\\\\,, Тарзан,, пока без смертей,, но заранее готовлюсь.

>>> Часть 30 текст 7. «Садохизм» над Муркой,, опасная Эля Лайнер и её «въебался»,, с мамой в стоматологии,, с дядьСерёжей на приземление Гагарина.

>>> Часть 30 текст 8. Уютные эпизоды дома,, стырил тетрадку Маши,, соревнование на физкультуре с Ерокиным.

\_\_\_\_\_ Часть 31.

\_\_\_\_\_ Второй класс кончен. Лето.

>>> Часть 31 текст 1. На детскую площадку в Дворец Пионеров первый раз,, Даша Серебрякова,, узел в груди и аутсайдерство,, рептильская нёрдовщина и два шакала.

>>> Часть 31 текст 2. Серебрякова и тема дворовости,, игры в фишки,, Покемон и ублюдское анимэ.

>>> Часть 31 текст 3. Дядя Серёжа подарил «Коллекционера» Фаулза,, Мортал комбат,, пацанство и я призрак,, ангельская похоронщина,, пацаны детской площадки.

>>> Часть 31 текст 4. Летняя поликлиника и тема «я не мамин,, а системин»,, зимний сад у Дворца пионеров и начало моего ботаничества.

>>> Часть 31 текст 5. Отношения между мамой и бабКлавой,, делёж ЛьвыКассиля,, бабина гиперплаксивость,, мамины попытки меня не упустить,, мама в автошколе,, начало моей свободы выхода из дома,, мелкие эпизоды.

>>> Часть 31 текст 6. Древолазание и выживание в диких условиях,, попытки игр//// а мщсзж о Яижмлз,, \\\\мелочные эпизоды.

>>> Часть 31 текст 7. Много дачи,, овраг,, ужи,, Мурка съела ящерицу,, на рыбалку с дедами.

>>> Часть 31 текст 8. На набережную по вечерам,, Неспешные,, зыркание на целующихся и начало бутылочничества,, мелочь про всякое,, фильм Чужой.

>>> Часть 31 текст 9. Кассеты напрокат,, Сара Мишель Геллар,, загон по дорожным сумкам,, образ нёрда с книгой,, юг,, истерика,, отмена,, мама купила «Ниву».

\_\_\_ Часть 32.

\_\_\_\_\_ Осень 2001 в третий класс.

>>> Часть 32 текст 1. Первые поездки на «Ниве» в гимназию,,, моё деление детей на эшелоны,,, Евстифеев,,, катание по перилам.

>>> Часть 32 текст 2. Семена салата,,, одиннадцатое сентября,,, про Отца его жизненную философию и почему я не видел смысла учиться.

>>> Часть 32 текст 3. Богомол,,, про мои издевательства над Муркой,,, про садохизм глубоко,,, отдельное утро с Муркой.

>>> Часть 32 текст 4. Поездки в гимназию,,, хлорофитум,,, Мистер ужас,,, фильм Слизни,,, психология образа ребятёночка,,, ещё продолжение Баффи.

>>> Часть 32 текст 5. С дедом на рыбалку,,, телевизор на Фрунзе,,, мама не прирождённый гонщик,,, к Шурыгине в Улеша и последний раз,,, Мотэо.

\_\_\_ Часть 33.

>>> Часть 33 текст 1. Пуховичный и кепочный загон,,, с отцом в школу и рассказы про писателей.

>>> Часть 33 текст 2. Гиперреакция Арутюнова,,, Сильнейший удар 2 и мои неврозы,,, тема побегов из тюрем.

>>> Часть 33 текст 3. Отец на «Ниве» и поездка в деревню Узморье,,, деревенщина и наша продвинутость,,, загон по подушке,,, Баффи с бойфрендом-мачо и мой конец просмотра.

>>> Часть 33 текст 4. С автостоянки классические поездки,,, загон по эстетике химической лаборатории,,, Последний герой,,, к бабеВале и грусть от Классного журнала.

>>> Часть 33 текст 5. Карты в гимназию и наказание,,, гараж на Маяковской и боярышник,,, компанейство в гимназии,,, кокос и желания Деду Морозу,,, праздник с классом.

\_\_\_\_\_  
\_\_\_\_\_

\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*  
\*

...

\_\_\_\_ Часть 17.

...

\_\_\_\_\_ Середина лета 1997 и остаток лета.

....

>>> Часть 17 текст 1. Пояснения ко всей ранее написанной истории.

.....

Цельности ради я подогнал эпизод с похоронами к акулам, но на самом деле я не могу ручаться за то, когда это было точно. На улице было сухо. Но это могло быть осенью. Могло быть, наоборот, ранее весной. А могло быть и годом раньше. Как и акулы. Как и многое другое. Теперь я объясню.

Я пишу эту вставку уже на этапе финальных коррекций, когда детская биография у меня уже сделана до одиннадцати лет. На протяжении предшествующих событий я поудалял упоминания своего возраста. Весь скелет самой ранней биографии, которая на этом месте закончилась, я написал по эмоциональной памяти. Все описанные события, мысли и осознания — были. Но. Это была не хронологически-документальная хроника. Сейчас мы на середине лета, и дальше история продолжится уже чётко в девяносто седьмом году, когда мне четыре года. И если отсчитать назад все Новые года, уровень моих мыслей, то вроде бы всё логично и вовремя. Так а что же не так?

Всё началось с того, что, написав скелет, в котором эпизод с «Роботом полицейским» и вермишелью приходился на осень того, что получалось вообще девяносто шестым годом, я добрался до архива телепередач и нашёл «Робота полицейского» девятого апреля девяносто пятого. Аж на полтора года раньше, чем он был в моей эмоциональной памяти! Точно по ЭН Тэ Вэ, точно в воскресенье (как раз чтобы в понедельник нам с мамой вернуться на Льву Кассиля и там произойти всей той вермишельной истории). С этим открытием я глубоко усомнился в своём убеждении, что я пошёл в детский сад с исполнением мне четырёх лет. Мама всегда говорила, что пошёл с трёх, но я не верил. Я очень долго думал, сопоставлял, учитывал также и то, что по законам детской амнезии то, что помнится лучше, было на самом деле раньше того, что помнится будто было позже. И я понял, что детский сад начался действительно с моих трёх лет — с ранней весны девяносто шестого. А между тем я помню и то, что в детский сад я пошёл с уже очень большой кучей пляжа и всяческой ранней львакассиальной идиллии за спиной. Начало детсада, тот ранний первый подъём, было адом именно на фоне яркого прошлого. А я это яркое прошлое уже сконцентрировал в лето девяносто шестого. Ещё я помню, что в дни «Робота полицейского» я уже был достаточно взрослым, чтобы спать в сделанной отцом кровати, а не в той маленькой кроватке-колыбельке. А ведь я помню значительную часть времени и времён кровати. Значит, учитывая, что реально «Робот полицейский» был в начале девяносто пятого, я помню значительную часть девяносто четвёртого. Первые воспоминания про титю и про манку могут приходиться и вовсе на весну девяносто четвёртого. А наши прогулки с мамой в магазин с зеркальным потолком на самом деле могли происходить со мной, сидящим в коляске. Катание с мамой на карусели со зверюшками могли быть не летом девяносто пятого — это же было бы вообще после «Робота полицейского» даже — а летом девяносто четвёртого.

Но я оценил свои возможности переписать всё это время заново (а это ведь уже целая большая книга) — и я понял, что не смогу. Я, во-первых, не смогу тогда сделать ни один год

насыщенным, чтобы это всё читалось так, как вы прочитали, потому что у меня просто не хватает воспоминаний. А во-вторых, там в любом случае будут ошибки хронологии, и документальности не будет.

Что было решено делать?

Было решено, что с совсем неправильной осени девяносто шестого я перенесу «Робота полицейского» туда, где вы его и прочитали — на весну девяносто шестого, — годом позже, чем в реальности. Я бы мог перенести и на оригинальное время — в апрель девяносто пятого, но я бы тогда не смог к нему подвести, ведь походы к дедам, просмотр телевизора я стал основательно описывать только к концу девяносто пятого. А этот эпизод требовал этих описаний уже, и их я не увидел, как закинуть в ту древность.

////Нгжк мжршиз\\, дата которой есть в медкарте, я и в оригинальном эмоциональном скелете определял туда, где она и была в реальности — в конце сентября девяносто пятого. В этом всё чётко. Появление велосипеда с надувными шинами — тоже сверено с фотографиями. Подарки на Новый год и основные новогодние детали — тоже сверены по фотографиям, хотя какая-то часть описанных воспоминаний должна приходиться на Новый год с девяносто четвёртого на девяносто пятый.

В лете девяносто пятого в реальности была куча пляжа, и сестрички могли быть уже тогда. Но всю пляжную историю я сконцентрировал в лето девяносто шестого. А ввиду того, как хорошо получилось лето девяносто шестого, каким оно получилось иллюстративным концентратом моего детства, было решено, что я оставлю его как есть и что начало детского сада я, соответственно, оставляю там же, где вы его и прочитали — будто бы под исполнение мне четырёх лет, в девяносто седьмом. Но надо понимать, что нет, он начался годом раньше. Я не один месяц, а всю весну девяносто шестого сидел на том верхнем этаже в самой первой игровой комнате, в том оцепенении, и постоянно ревел. Там было жёстко. Очень многое, кстати, из того, как я помню эмоционально или как описал, было в реальности куда жёстче. Про////оделэ нзюйё,\\, например, мама говорит, что я орал так, что она не могла выносить, и что её аж даже хотели вывести из поликлиники — видимо, чтоб закончить. А при этом мой эпизод, как я это описал и даже помню, вряд ли передаёт такую жёсткость.

Перевод в группу на первый этаж и стычка с Косаревым были, соответственно, осенью девяносто шестого.

С бабой Валеёй в зоопарк на льва я ходил почти точно в девяносто пятом, а не девяносто шестом. Как и первый цирк и разное другое. А также поход с дедом в зоопарк был абсолютно точно годом раньше — у меня же есть даже фотография на ламе, и я там выгляжу мелким, как и на фотографиях на Новый год чуть ранее. Я оставил этот зоопарк тоже запоздало, чтобы выдержать атмосферу последних времён до детсада.

У меня точно такая же ситуация с запозданием важного события на один год есть и в районе пятого класса, которую мне вот после коррекции всего дошкольного периода надо будет решать. Всё это пожирает очень много времени, у меня уже затрачены годы. Это не просто книгу написать. Тут целая детективная работа и вечные проблемы согласовывания. Поэтому тут я закончил писать в полухудожественной форме и псевдо-настоящем времени, и дальше будет преимущественно ретроспективный взгляд.

Но должен предупредить, что вся остальная дошкольная часть, особенно ближайшая — концовка девяносто седьмого — так же может содержать запоздалые воспоминания, которые в реальности могли быть годом раньше. Например, поездка на работу к деду или прогулка с дядей Валерой и его сыновьями. Но это не такое важное, поэтому не страшно.

....

>>> Часть 17 текст 2. Покупаем с бабВалей Короля льва,,, Человек-паук,,, неспешные и Лидушка,,, вечерняя прогулка с Валерой и его сыновьями,,, простриг плешь ради костей динозавров.

.....

\*\*\*

В один день с бабВалей мы купили мне кассету «Король лев» в ларьке с кассетами возле отделения ментов у рынка Шарик. Никакого видика у меня ещё не было, просто выклянчил, чтоб была. Она стала лежать у бабы Клавы.

Не могу, не разрушив всю ту хронологически некорректную мешанину, которую уже написал, вставить человека-паука в последнюю весну, поэтому вставляю его здесь. В девяносто седьмом году по каналу ЭН-ТЭ-ВЭ всю весну и до конца июня шёл самый современный на то время «Человек-паук». Он быстро стал моим любимым мультфильмом, превзойдя даже «Короля льва». Меня увлекала тема ловкости, контроля над обстоятельствами — и современность. В человеке-пауке были небоскрёбы и всё как в фильмах. В магазинах игрушек повсюду были модельки этого человека-паука, и я тоже выпросил качественного, хоть и в идеале мне бы хотелось его в барби-масштабе. Отдельно привлекала яркая, сочная, красно-синяя расцветка его костюма. Без конца тербил его в руках, нюхал. Пластмасса пахла как-то особенно — человеком-пауком.

\*\*\*

У мамы по какой-то линии, возможно, даже совсем неформальной и спонтанной, то есть даже не по работе (большинство её знакомых всю жизнь были именно или со школы, или со студенчества, или с работы), была знакомая — и, как помню, звали её Ирина. Внешне она была как Андрей Малахов — я такое выделяю в отдельный типаж внешности, причём у меня он для обоих полов: обычно кареглазые, тёмные, длинноватые волосы, в очках типа Джона Леннона. Если мужчина — то можно спутать с женщиной, а когда женщина — то всегда у меня связываются с именем Ирина. Холерики и экстраверты. Женщины этого типажа у меня всегда ассоциировались с асексуальностью, поэтому я его никогда не любил.

Именно тогда — это ещё до Малахова — эта мамина знакомая у меня ассоциировалась с песней «Мальчик хочет в Тамбов», которая тогда везде играла, потому что я, видимо, видел клип, и вот там певец — тоже такого типажа. Она была цивильная, скромная.

И вот у неё ещё была дочь с именем Лидушка — немного младше меня, чрезмерно боязливая и наивная, чрезмерно маменькина дочка. Позже мама пояснит, что лёгкая, но какая-то задержка у неё всё-таки была.

Отец этой Иры был музыкантом и работал трубачом в оркестре в Энгельсском театре на Театральной площади. Жил он на Петровской, девяносто восемь — кирпичная девятиэтажка. Сама Ира с Лидушкой, между тем, были не из Энгельса и приезжали к нему только на лето из Подмосковья — как я помню, из Одинцово, но может и нет. Я тогда не представлял ещё, что это там всё такое: я думал, раз «Подмосковье», значит, Москва как-то наверху, а Подмосковье внизу.

Они ещё рассказывали, как в Москве есть всё — меня особенно интересовал и вызывал зависть Птичий рынок, — а тут у нас нет ничего, но зато у нас есть Волга и пляж. И вот, начиная с лета девяносто седьмого, либо девяносто шестого, после неизвестно как сформировавшегося знакомства, мы летом встречались и гуляли с этой Ирой и Лидушкой, а потом ходили к ним домой один или два раза поздно вечером.

Я был в том детском состоянии, когда ты уже весь сонный, и поэтому плохо помню, что там было, кроме того особенного ощущения нахождения в гостях, что обычно редкость. Мы там с мамой какое-то время почему-то были в квартире одни и ждали кого-то откуда-то. Планировка мне очень напомнила нашу трёхкомнатную.

Иру с Лидушкой мой отец за их в какой-то момент проявившуюся неспешность впоследствии назовёт «Неспешными». Эпизоды с ними будут в моей истории дальше — в школьные годы.

\*\*\*

Были какие-то очень жаркие дни на Фрунзе, и туда пришёл мамин двоюродный брат Валера со своими сыновьями. Я их уже упоминал в паре эпизодах раньше. Они — одни из тех людей в моей жизни, кого я всё никак не мог запомнить в лицо, — настолько редко видел, плюс они были мне неинтересны. Заходы Валеры на Фрунзе были, в принципе, редким явлением: там был какой-то фрунзенский напруг, частично упомянутый мной в предыстории, хоть я и сам знаю лишь поверхностно. Вкратце, мама Валеры — тётя Люся — была в разладе с моей бабКлавой. Из-за дома на Фрунзе, в котором до меня все жили вместе, а потом им завладела одна бабКлава. Но Валера с нами, а также тётя Люся с моей мамой дружили нормально.

Короче, после посиделки на лавочке вечером, поздно, уже прям тьма, мы все — именно гурьбой, прям вообще все, может, кроме бабы или кроме деда — пошли их провожать в сторону этой тёти Люси, а она жила в хрущёвке в районе «Мелиорация» — это ещё дальше Фрунзы, в конец Энгельса. В ту ночь было полнолуние. По пути все смотрели на огромную луну, а помимо луны и чёрных сверчков на земле, на меня впечатление оставила страшная башня-водокачка, которая там стоит между Мелиорацией и Полиграфической улицей, на улице Санаторная, по которой мы и шли тогда впервые для меня.

\*\*\*

Был уже, как я понимаю, конец лета. В один вечер я сидел у дедов в зале на диване, и завтра или через пару дней я должен был продолжить ходить в детсад после летнего перерыва. К тому времени я начал увлекаться динозаврами, у меня уже появились какие-то книжки — там было про раскопки, про кости. И вот, сидя на диване в тот вечер, я придумал вообразить свои волосы костями динозавра — и отстриг часть волос с головы, сложив их в шалашик. Через минуту в зал вошёл дед, и он скорее выхватил у меня ножницы и занегодовал. Я посмотрел в зеркало — и там у меня была будто плешь. Теперь меня, как я считал, ждали насмешки и позор в детсаду.

Но ничего страшного не случилось, и в первый день в детсаду та добрая воспитательница в группе на первом этаже лишь что-то шутливо заметила, и кто-то ещё разок посмеялся, но в основном пронесло — я зачёсывал, и скоро заросло. Напомню, что, ввиду того, как я сформулировал раннюю историю, я к этому моменту был в детсаду уже полтора года. К моменту этого эпизода с волосами я уже не сильно тяготился детсадом, не было сильного «узла в груди». Помнится, наоборот, даже некоторая социальная уверенность и наличие компаньонов — даже помимо Артёма.

\*\*\*

\_\_\_\_\_ Осень.

....

>>> Часть 17 текст 3. Болота,,, с мамой к парку Липки,,, в детсаду толкнул девочку,,, протолкнуть кошечку в воронку.

.....

С какого-то момента появилась новая тревожная тема на уме — болота. Началось, видимо, с того, что я увидел сцену с утопанием девушки в том известном чёрно-белом фильме «А зори здесь тихие». Ну а потом, видимо, по дороге к вышеупомянутой тёте Люсе — в гости или обратно от неё — мы с мамой добирались на каком-то автобусе, который проходил мимо соседнего с Мелиорацией района, называющегося «Лётка». Ну, это прямо в одном квартале от городского стадиона — там всё рядом. В нашем Энгельсе один квартал называется районом, в то время как где-нибудь в Москве районом называется то, что размером с Энгельс. В общем, в той Лётке, на краю дороги, есть заросшее камышами болото. Это мама сказала, что это болото. Я теперь без конца о нём думал.

Поездки в гости к тёте Люсе, начавшиеся в то время, или даже раньше, и случавшиеся раз-два в год в течение моего детства, я опишу чуть позже.

\*\*\*

Один раз мы с мамой ездили в Саратов в Липки и сидели в его части, где детская площадка была — и до сих пор вроде есть — в его ближнем к Энгельсу, так сказать, углу. Там были разные чуть более продвинутые лестницы и горки, чем на обычных постсоветских детплощадках с парой ржавых турников. Были какие-то деревянные лесенки, и было что-то старорусское или связанное со сказками — типа избушки на курьих ножках — в смысле объект в составе детской площадки, чтобы туда залезть или съехать с горки. Только эта избушка, хоть и связанная с Бабой-ягой — пожирательницей детей, — была без дискомфорта аспекта, а наоборот вызвала ассоциации с фильмом «Морозко» и просмотром его дома на Новый год, а также другими сказками, Пушкиным и «дубом зелёным». Впоследствии, в детстве думая про сказки, я часто вспоминал ту детскую площадку и нашу посиделку с мамой тогда. Наверное, мы бывали там потом ещё.

Обратно, в автобусе, я ел арахис — запомнилось. Это были уже последние годы арахиса, в смысле — чтобы мы его покупали. Арахис — маркер моего раннего детства. Он был в зелёной непрозрачной шелестящей упаковке, которую надо было разорвать, а она была жёсткая. По моему, мы полностью прекратим его покупать по каким-то причинам в начале моей школы.

\*\*\*

В детсаду, на первом этаже, был эпизод: я толкнул какую-то девочку. Вечером забирал отец, и воспитатель ему доложила. Было супернеудобно и непонятно, как быть. Достойный интроспективный эпизод, если б помнить хоть чуть-чуть побольше. Но я не помню уже ничего, кроме того, что девочка была слабая, и я этим воспользовался и сделал это специально, мой основной мотив будучи желанием почувствовать физический контроль в кои веки. Отец отнёсся без одобрения, но и без порицания: до моей выёбистости в юности он имел свойство никогда меня не отчитывать.

Я в детсаду хоть и стал поуверенней — что аж вот был эпизод в духе упомянутого, — но по вечерам будто инстинктивно всё равно была та тревога и тошнота в солнечном сплетении. Никуда врождённый невротизм уйти не мог. Я просто попривык конкретно к этой обстановке, а попади я во что-нибудь стрессовое новое — оказался бы в том же аду, как и в первый день детсада.

У меня есть одно туманное воспоминание, и в ассоциациях оно связано с детсадом, с той группой на первом этаже, куда я ходил, а ещё с уроками перехода дороги на светофоре (чему меня, в принципе, ещё до детсада уже научила мама на светофоре возле памятника бабине с детьми, который по дороге к дедам и в поликлинику). Скорее всего, эпизод, ответственный за это воспоминание, был годом ранее — в девяносто шестом. Будто бы воспитатели в том игровом зале в какой-то момент учили нас базовым правилам жизни. И вот, помимо светофоров, нас учили знакомиться друг с другом. Будто нас учили, что надо сказать: «Привет, меня зовут так-то, а тебя? Давай дружить». Ну, либо это мои взрослые меня учили. Так или иначе, это в тот момент совпадало с моей вовсю развивавшейся темой «чужие люди», темой отдельности, той моей проблемой слишком малой вероятности сближения с теми сестричками на пляже. Я никогда не видел, чтоб кто-нибудь сближался вот тем способом. Тот урок знакомства был будто про цивилизованность, про такт, а не про реальную возможность сойтись. Я потом смотрел на галдящих в игровом зале детей, и я не мог увидеть ни одного момента, в котором кто-либо мог приблизиться к кому-то и вот так «вручную» познакомиться. Никто не выглядел ни ожидающим, ни даже готовым к такому подходу кого-то к себе. Все либо уже играли друг с другом, либо были заняты своими делами. Мне было видно, что если бы кто-то попробовал так познакомиться, то ему бы сказали: «Те чё надо? Ты дурак? Иди нафиг». Я постоянно вспоминал тот урок и потом в школе, а там такой подкат выглядел уже тем более идиотско. Тот урок для меня стал символом внушения взрослыми ложных иллюзий детям, а в конечном итоге даже символом глупого заведения ребёнка. Может, не запомни я его, я даже не настолько бы разочаровался и озлобился потом, когда мне уже совсем жёстко хотелось сойтись с какими-то девочками, а в голове всё вспоминался этот ранне-детский урок, который был уже совсем неактуален.

\*\*\*

С мамой на Льве Кассиле по вечерам, раз в несколько дней или неделю, у нас всё по-прежнему были купальные идиллии подолгу с игрушками. У меня тут дома была одна из фигурок тех кошечек с Фрунзы — и она попала в воронку, когда сливалась вода, и застряла. Я паниковал, истерил, и мама сказала: «Может, протолкнём её вообще?». Я вспоминал это где-то в дневнике в контексте какой-то психологии — это примерно про то, что иногда в безвыходных ситуациях мама предпочитает сдаться. Я несколько раз в жизни слышал от неё присказку:/// «Дойз ляожкёг кгзеяддлн — нюрояйюэсвып ж ммкрхяжд сгланиърпазв». \\\\

Ну а после купания продолжались её просьбы:/// ляпэмрры нзоьйр, \\\\чтобы помыть, и мои слёзные отказы.

\*\*\*

В это время мама втиснула железную дверь посередине общего тамбура с соседями-люмпенами, где они до этого рассиживали на корточках в сигаретном смраде, кто-нибудь иногда даже облакачиваясь спиной на нашу входную дверь. Мало того, мама, благодаря связи с дядь Серёжей, официально прихватилизировала этот квадратный метр. С соседями у неё теперь был молчаливый разлад.

Она постоянно уходила по работе, и я оставался один дома, потому что, по воспоминаниям, тогда уже начиналась «золотая львакассильская эпоха» — когда у меня были внушительные перерывы в хождении в детсад, и вот я сидел в квартире один, валяясь перед телевизором — и это были самые лучшие моменты раннего детства, потому что самые лишённые

стресса и нежелательных телодвижений. Ведь даже гостя у бабы Вали — в гиперопеке — всё равно то и дело приходилось одеваться и куда-нибудь идти. А тут просто лежишь и гоняешь каналы. Наверное, опыт этого блаженного времяпровождения на заре жизни и был основой моих затворнических тенденций позже — приведших, будучи реализованными, к абсолютно адской жизни в другом плане.

Один раз я рассказывал маме на кухне сюжет какого-то боевика, который я посмотрел без неё по телеку. Я упоминал пистолеты, пули — и всё это в контексте нашей железной двери (я воспринимал установку этой двери мерой повышения безопасности, а не следствием маминого нетерпения кутящих в тамбуре соседей). Между тем, в ходе моей болтовни, мама, понявшая, что я уже знаю, что значит умереть, выдала общую просветительную речь на тему смерти. Она завершила её словами: «...так что умирать не больно, не бойся». Это мне, конечно, тоже вот на всю жизнь запомнилось, но только тревожило меня конкретно в тот момент другое — беспомощность перед бандитами с лазерными пушками. Я видел в «Человеке-пауке», что с лазерными пушками они могут прорезать любой металл. Против лазерной пушки вообще ничего не поможет.

\*\*\*

• • •

>>> Часть 17 текст 4. Отец в Москву,, застеклили балкон,, на работу к деду,, с бабВалей к её знакомым.

• • • • •

Отец в то время ещё что-то там продавал у библиотеки, но теперь у него уже появились связи с художниками — начал продавать для них краски и аксессуары. Вот за подобным ассортиментом он ездил в Москву на несколько дней, и для нас, для дома, он привёз качественные ножницы с красными ручками — которыми мы всю жизнь до сих пор пользуемся. До этого были железные э-сэ-сэ-сэрские. Красными нельзя было резать всё подряд — их нужно было беречь.

Это последняя до две тысячи восемнадцатого года известная мне поездка отца куда-то из Саратова, и я думаю, это также та поездка, про которую он как-то в моей молодости мне рассказал. Он рассказал, что под конец молодости пробовал добрать того, что за неё не успел, и вот, когда был в Москве, попал в круги каких-то серьёзных дядь-бильярдщиков, и его эти дяди одели в солидный костюм и привели, короче, поиграть и почувствовать себя серьёзным. Впоследствии он всю жизнь говорил и мечтал о бильярде.

\*\*\*

Не помню, заклеивали ли мы ещё окна на зиму. Заклеивание ассоциируется с самым ранним детством. С какого-то лета это кончилось навсегда — мы просто не стали ничего вынимать из щелей, и окна больше никогда не открывались. Только форточки.

А также примерно в том году мама застеклила балкон. Как обычно, после житья у баб Клавды какое-то время, мы вернулись на Льву Кассиля — а там обнова. Но там были деревянные рамы. Пластиковые окна и конструкции были на тот момент ещё элементом элитного уровня. Наши новые деревянные створки заедали, и дальняя никогда не открывалась в итоге. Но мы к дальней части балкона и не проходили — он до конца лъвакассильной истории будет завален всякими санками и вообще чёрт знает чем. На балкон можно было втиснуться только кое-как вдвоём — настолько он был захламлён.

Продолжались, вроде, хоть уже и реже, мои забавы с включением всего возможного света и ламп днём по квартире. Становилось как в магазине ламп и света, которые я любил — так как ассоциировались у меня с чем-то необъяснимым, но лучшим, чем то, что было в нашей жизни.

\*\*\*

Как говорил, могу запаздывать с воспоминанием поездки на работу к деду. Атмосферой это было в духе того, как и на работу к бабКлаве, только ещё хуже. В воспоминаниях — прям серость, жёсткая, индустриальная. Я совсем сейчас не знаю, где это было, почему и, главное, зачем. Где-то, должно быть, на краю Энгельса. Дед, как мне мама в детстве рассказывала, и как я всё детство думал, работал в бригаде сантехников — они лазили по колодцам и что-то в них делали. Но с дедом в тот день я был в каком-то индустриальном здании или месте — с гулом каких-то вечно работающих генераторов, с большими трубами, обмотанными стекловолокном, промзоной и грязью вокруг. Был либо ливень, либо даже снег. Только в моей взрослости мама пояснила, что дед работал на городской ТЭЦ, и это вот там мы, скорее всего, и были.

\*\*\*

То ли на выходные, то ли на несколько дней вместо детсада, я иногда ездил к бабе Вале и в это осеннее «занятое» время года.

В те времена, когда мы с ней были у тётки Ларисы, я заходил к Игорю уже последние разы. Я никогда больше в жизни его не видел и даже не встречался в общем тамбуре. Да и вообще, с какого-то года они переедут туда, откуда приехали, — в Воронеж, вроде. Они навсегда будут ассоциироваться у меня с классической жизнью в девяностых: квартира в панельке в сером спальном районе, машинки в пацанской комнате, приставочные игры, хождение друг к другу в гости между одинаковыми у всех квартирами, дворовый старший брат, выпуклые обои, стилизованные под кирпич, трубы теплотрассы, запахи канализации, железные гаражи, ларьки, грохочущие старые лифты...

В то время, там же, где тётка Лариса, мы один раз сходили с бабой Валей в такой же панельный десятиэтажный дом напротив, наверное, к какой-то её знакомой. Там были сувенирные олени рога на стене в прихожей — служили вешалкой для одежды. Такие рога — тоже одна из моих ассоциаций с девяностыми.

И ещё с бабой Валей, тоже в холодное время года, мы ездили на адрес: улица Крымская, двадцать три, или соседний. Это по пути на бабВалину дачу — последние жилые многоэтажки перед дорогой по мосту — в гору и загород. В конце моей детской истории этот маршрут будет моим регулярным направлением — я потому и уделяю его описанию. Там была квартира другой знакомой бабы Вали — то ли Нины Фёдоровны (которую я упоминал в отцовской биографии), то ли Таи — пробивной тётки, упоминавшейся в ранних поездках на дачу, у которой ещё был мужланский муж Валера на УАЗике и с кирпичным дачным домом.

Что та Нина, что Тая — это вот редкие «кирпичные» знакомые бабы Вали. По-простому говоря — не бедные. Они ассоциировались у меня вот с этими кирпичными домами, многокомнатными квартирами, владением машины. Толстокостные, любящие деньги тётки.

В квартире там, как помню, была ещё какая-то собака, будто бы пудель. И будто бы вот там тоже были рога на стене.

Была первая половина какого-то осеннего или уже зимнего солнечного дня. Из окон, а это был верхний этаж, были эпичные, как они мне тогда воспринимались, виды саратовских гор, вперемешку с ЛЭПами там и какими-то дорожными развязками. На самом деле там буквально одна дорога, мост, да маленькая гора, но мне в детстве воспринималось будто бы это всё какая-нибудь западная Канада.

Не помню, в общем, чья это была квартира, может, вообще какой-то другой тётки.

А эта Тая, кстати, — это мать знакомого отца, Саши Бельшева. В моей детской биографии он, кажется, будет только один раз.

....

>>> Часть 17 текст 5. На Фрунзе серю под раковину,,, в детсаду на втором этаже с пацанами,,, возвращаемся с мамой с Фрунзы в последние дни года,,, про рваньё игрушек,,, игрушечный пистолет,,, Лёша Васильев.

.....

Ввиду близости детсада я большую часть времени жил на Фрунзе.

Там я продолжал серить в горшок, сидя под раковиной — и потом дед его выносил. Я уже не говорил «ка-ка», когда тужился. Один раз в грязном белье там прямо передо мной вылезла мышь — высунула свою серую мордочку. По дому были мышеловки. Мышеловки стояли даже на холодильниках. Два холодильника в проходной комнате стояли, а над ними — часы на стене, на которые я всегда смотрел, когда лежал на нашей кровати там с бабой. Рядом с часами на стене ещё был старый электрический автомат — которым, когда такой же был снят и отключён, можно было играть: вдавить какую-то кнопку, а из другого отверстия сразу выходила другая с быстрым щелчком.

В детсаду начало той зимы ассоциируется со вторым этажом. Там был небольшой актовый зал, в котором мы репетировали выступления к приближающимся новогодним праздникам. У меня уже было дружелюбное компаньонство с какими-то пацанами. Помимо Артёма, среди тех, с кем я контактировал, были Марк и ещё какой-то Маслёнков, живущий на перекрёстке Персидской и Московской. На грядущий мой день рождения в девяносто восьмом году мне там вручат поздравительную надпись на обычной бумаге — разноцветными маркерами, ровным взрослым подчерком, с подписью «твои друзья», которых у меня не было, а были только эти компаньоны.

Ну а пока, к Новому году, мы учили «В лесу родилась ёлочка» — и было всякое другое коллективное и творческое. На праздник там сделали фотографию нас у новогодней ёлки в том зале. Я был в костюме «звездочёта». Деда Мороза играла в костюме одна из воспитательниц. У бабКлавы хранилась потом эта фотография.

\*\*\*

С отцом мы вдвоём ходили покупать ёлку на Льва Кассиля и Горького. В момент, когда я писал эти строки изначально, на том месте стояла уличная фигура в виде непонятного то ли корабля, то ли ещё чего-то — это что-то по мотивам из сказки Льва Кассиля. Её по заказу администрации смоделировал отец в 3D Max во время коронавируса. А в момент, когда я корректирую орфографию этого текста, этой фигуры уже нет.

Перед тридцатым или тридцать первым декабря мы с мамой ночевали на Фрунзе. Проснулись рано — за окном было ещё темно. Поскольку мы собирались уходить домой на праздники, мне начали дарить местные подарки прямо в это утро. От деда — точнее, от Деда Мороза через деда — мне был вручён мешок с игрушками. От бабы — что-то другое, скорее всего едовой набор. Тогда были популярны коробки в форме ларца, как в сказках. Внутри было конфетное ассорти. А дальше, по всё ещё тёмной улице, мы пошли с мамой на Льву Кассиля. Дома началось мытьё пола и подготовка к долгожданному вечеру — который, повторюсь, не помню: то ли был в этот же день, то ли на следующий. Наверное, всё-таки на следующий — иначе, встав так рано, я же уснул бы до вечера.

В течение моего рассказа я уже не раз упоминал, что я был склонен рвать и уничтожать игрушки и подарки в истерике, но при этом я не описал ни одного конкретного эпизода. Как бы я ни ковырялся в памяти, я просто не смог вспомнить конкретных в прошедших годах и, кажется, в ближайшей паре следующих тоже не вспомню. Периодически такие эпизоды, конечно, были — известно по рассказам мамы и моих двух баб — и некоторые точно будут в моём рассказе позже, но, тем не менее, эмоционально всё это мне помнится постоянным, всегда, как неотъемлемая часть моего детства. Просто помнятся не конкретные эпизоды, а состояние, в котором мне хотелось рвать — вот оно было прям вообще всегда.

Главным образом — в моменты, когда мне что-то дарили. И истерика во мне происходила не столько из-за того, что меня не устраивал чем-то подарок или купленная вещь, а тем, что намеренно испортить её было очень доступным, лёгким способом создать много боли и дарителю, и себе. Это было как ядерная кнопка — и прям под рукой. А я же уже говорил, что у меня были такие привычки, как сунуть палец в опасную дверную щель — ну и всё в таком духе, касающееся задирания к опасности, трепания себе нервов.

Охватывающее меня в такие моменты состояние, кроме того, активировало ещё и «гени-тальный невроз» — уже затрагиваемую в моём рассказе вещь, о которой позже будет больше. Дальше я, в принципе, буду писать на всю эту тему всё больше и больше, и с каких-то пор, когда она станет в моей истории поважнее, у меня даже появятся другие, относящиеся к ней, нарицательные и неологизмы.

В общем, портя подарки или планируя это сделать, страдание, запускающее истерику, главным образом у меня шло от эмпатического воображения ощущений дарителя от моей порчи его подарка. Ну а в истерике я иногда терял самоконтроль — и совершал то, чего не хотел.

\*\*\*

Из предновогоднего вечера мне помнится, как я лежал на полу в средней комнате, и пультами, которые постепенно терялись, стрелял по каким-то мишеням из игрушечного пластикового револьвера. Его мне подарил один из тех двух знакомых отца — то ли Дима Артошкин, то ли Лёша Васильев, которые оба были художниками. Сейчас я должен сделать очередную заметку, касающуюся их.

По инфантильному пьющему маленькому Диме Артошкину сомнений нет. А вот со вторым — странное. Имя «Лёша Васильев» было у меня на слуху всё моё раннее детство. Мужик с чуть ли не сидящими длинными волосами, затянутыми в резинку, который приходил к нам на два или три Новых года подряд в гости — вот его я всегда и знал за Лёшу Васильева.

Но после написания уже всех текстов я позадал маме вопросы, и она сказала, что он никогда к нам не приезжал. Кроме того, Лёша Васильев, что я тоже узнал уже после того, как написал всё, — это муж той самой знакомой моей мамы, жившей в Саратове на Рахова, на дне рождения которой мама с отцом и познакомились. Мама дружила с ней, а отец — с этим Лёшей, как я понял. В биографии родителей я записал эту информацию тоже уже на этапе правки орфографии.

Так вот, вернусь на Льву Кассиля и Новый год. Отец в то же время подтверждает, что Лёша Васильев в гостях у нас был. Ну, ещё бы — я же не придумал.

В итоге я сделал простое действие: ввёл в поисковик «Алексей Васильев художник Саратов». Выдало именно то лицо, которое я помню с Новых годов в те мои ранние годы — тысяча девятьсот пятьдесят второго года рождения, на четырнадцать лет старше родителей, известный местный художник. Так вот, почему же мама утверждала, что его не было у нас в гостях? Никаких прямых вопросов про прошлое я ей задать не мог — она сразу закрывалась. Но в один

момент мы разговорились, и всё выяснилось. Было два Лёши Васильевых — суперсовпадение такое. Отец имел ввиду Лёшу-художника, видимо. А мама Лёшу художника даже никогда с тех пор и не вспоминала: он для неё — совсем неважный персонаж.

Про основного Лёшу Васильева мама рассказала, что у него шизофрения и что он из своей семьи в итоге отселился в какое-то творческое уединение. Тоже творческий. Шкатулку с украшениями, которая стояла у нас на пианино, делал он.

Но я основного Лёшу Васильева, получается, никогда не видел. Только художника. У художника есть страница во «ВКонтакте». Впечатляет увидеть надпись «в сети десять минут назад» и сравнить с тем, когда он был последний раз у нас в гостях. Вот, в тот Новый год, скорее всего.

## Часть 18.

...1998 — — — — —

• • •  
• • • • •

>>> Часть 18 текст 1. Новый год,,, Гремлины на Фрунзе,,, диваны,,, всё ещё могут быть хронологические ошибки,,, с бабВалей последний раз на электричке,,, сплин,,, зубодёрня,,, Титаник — начало.

• • • •

• • • • • •

В праздничные дни приходили другие знакомые родителей — скорее всего та неинтересующая меня девочка Инга с родителями. И я боюсь, что ранее я поспешил с воспоминанием про кассету родительской свадьбы. Возможно, только на этот Новый год нам её принесли. И она в таком случае получается была второй моей по счёту видеокассетой, а не первой. Просто она была первой на Льве Кассиля — потому что «Король Лев» же хранился и так останется у дедов, пока не появится видеоплеер.

Десятого января показали по телевизору фильм «Гремлины», и мы все на Фрунзе смотрели его вечером. Говоря «все на Фрунзе», я почти всегда имею в виду меня, бабКлаву с дедом и маму. Отец там бывал очень редко — и когда мы в праздники с мамой туда ходили, он обычно уезжал к бабВале.

Дивана с зелёными подушками в зале на Льве Кассиля уже не было — его ранее перевезли к дедам на Фрунзе, я писал. Это уже сидя на нём на Фрунзе я тогда в конце августа простриг себе плешь. Но от комплекта с диваном остались кресла с зелёными подушками. А также оставались и останутся на всю Льва Кассильную историю те шесть клетчатых подушек, которые я задействовал в постройке лабиринта. Сам диван от них — это, кстати, видимо, тот, на котором спал дед в зале на Фрунзе. На Фрунзе в зале — два дивана на этот момент истории, и так будет до конца.

Подушки не просто так упоминаю — с ними будут связаны различные эпизоды на протяжении всей истории. Часть детства.

Целыми днями, когда мама не водила в детсад, а сама ходила по делам, я всё сидел в зале, часто на этих самых подушках, перед телевизором и листал без конца книжки про динозавров, которые мне надарили. Был рай.

Меня сейчас — это я пишу на этапе правки орфографии — посетило подозрение, что я мог выстричь плешь на Фрунзе в конце этих новогодних праздников перед продолжением детсада, а не к сентябрю ранее. Возможно, только в эти праздники я получил первые книги

про динозавров и открыл для себя тему раскопок и их костей. Я тут иногда целый день трачу, чтобы уточнить какую-то хронологическую деталь — настолько мне прошлое кажется важнее, чем моё дерьмовое настоящее и ещё более дерьмовое будущее.

А на этом месте в черновом варианте текста от сентября двадцать третьего года был абзац-отчаяние, в котором я намекал читателю, что я в таком дерьме, что это неминуемо повлияет на изложение. Я сейчас на этапе коррекции орфографии удалил этот абзац и постараюсь всё-таки удержать остаток событий до школьной биографии на удовлетворительном уровне.

\*\*\*

Я был у бабВали — и мы снова, последний из двух или максимум трёх раз с ней за жизнь, ездили на электричке. Был снег и серость. Мы ходили по тому базару Шарик недалеко от неё — коротали там время, явно вот перед электричкой, ходящей там пару раз в день — и дальше пошли к станции, на которой я никогда больше не был, называющейся «Примыкание».

Очень промзонистое место — какие-то теплотрассы, перекидные через пути конструкции, под серым небом. Пока ждали, там ещё ехали поезда, гудели провода и прочий Сплин... Я не понимал географии, конечно, вообще, но видимо мы отъехали либо в Комсомольский, либо наоборот в район Политеха.

Мы вышли, и там прямо рядом был какой-то девятиэтажный дом. Снова была тема «у всех всё одинаково» — все эти подъезды, планировки квартир. Мы зашли к какой-то бабВалиной знакомой. Квартира была такая же, как у соседей тёти Ларисы — вся тёмная, на тёмную сторону. Уже тогда, как и всегда потом, я думал, как же вот некоторые люди, должно быть, мучаются в таких квартирах по сравнению с нашей солнечной Льва Кассилей или тётей Ларисой. Это же совсем другое настроение, совсем другая жизнь — жить на тёмную сторону.

\*\*\*

Снова я как-то раз сидел и что-то грыз на кухне, и у меня зашевелился зуб. И снова мы с мамой пошли в детскую городскую стоматологию. Я уже помнил и знал, что будет пиздец — и он и был опять.

По моим выпадающим зубам мы ходили в стоматологию раз шесть, и никакой анестезии никогда не было, и я там ревел всегда, но удивительно: у меня вообще не осталось страха перед лечением зубов, в то время как та хуйня на письке попросту определила жизнь.

\*\*\*

В феврале в тот год в России в кинотеатрах вышел «Титаник» — и, наверное, был ажиотаж. Я сейчас прочитал, что наши телеканалы много лет скупались купить права, чтобы его показать, поэтому в те дни по телевизору показали двухсерийного предшественника. Но я ещё был мал, чтобы про это всё знать.

Мы с мамой были у дедов на Фрунзе, и это был вечер девятнадцатого февраля. Вот тогда я впервые услышал слово «Титаник». По Первому каналу после вечерних новостей его показывали. В тот момент я посчитал, что это и есть тот самый новый фильм. Там была сцена, где главный, как я тогда посчитал, герой кидал утопающим в воду стулья со словами: «Хватайте, это вам поможет». Только когда увижу главный фильм, пойму, что в тот вечер у дедов показывали какой-то другой.

У меня про мысли, зародившиеся в тот вечер, тот урывочный просмотр — хоть и не оригинального «Титаника» и, значит, не оригинального Джека Доусона, вообще не Джека Доусона, точнее сказать — есть отдельные записи в дневнике в начале две тысячи семнадцатого и осенью

двадцать первого года. В обоих — про психологию моих комплексов. Джек Доусон и «Титаник» у меня сильно связаны с моим чувством неполноценности. Вот отрывок из семнадцатого года:

«...на подобных вещах, как этот фильм, с таким содержанием и таким героем, как этот Джек, впору помещать, как и какой-нибудь „Parental Advisory“ или „не пытайтесь повторить это“, ярко выделенным шрифтом предупреждение, которое, в отношении таких персонажей, как этот Джек, гласило бы: „не допустите в себе мечты стать таким, как он, потому что если вы уже не такой, то вы всё равно никогда им не станете“».

Также в семнадцатом году есть наблюдение про то, что я — на основе этого «Титаника» и вообще таких драматических фильмов с любовными линиями — узрел (наивно, конечно) закономерность, что за романтическое счастье нужно серьёзно пострадать. Этот бред я в молодости использовал и в обратном направлении: видел в отсутствии у меня романтического счастья надежду на то, что судьба мне это зачтёт и избавит за это от других страданий и какой-нибудь мучительной гибели. Это, конечно, совсем бредовое, но, назло, обстоятельства реализовывались именно так — мне буквально во всём остальном везло — и я потому не торопился образовываться и чистить себя от надуманных убеждений.

Ну а в две тысячи двадцать первом я писал про всё это в целом — и про то, что в «Титанике» для меня тонул не корабль, а моя самооценка.

\*\*\*

...

\_\_\_\_\_ Мне 5 лет.

....

>>> Часть 18 текст 2. День рождения,,, конец первого детства,,, первый день во втором детсаду,,, везде всё тает,,, лежал с мамой в больнице,,, поликлиника и мамин трепет.

.....

День рождения — пять лет. Какие-то гости. Лет до семи моих мама всегда звала гостей на праздники. Всё новые книги по динозаврам. Я всё больше переключался с млекопитающих на рептилий, хоть и продолжал рисовать тигров и других кошачьих. Вообще, много рисовал. Сохранилось много примитивных рисунков. В основном звери и динозавры. Проработанными рисунками с тенями я увлекуюсь в первых классах школы.

В детсаду нас выгуливали уже ближе к дальнему концу двора. За забором из простой сетки-рабицы там было видно двор частного дома внутри квартала — это не тот дом, который уже выходит на Персидскую, а именно внутри квартала — и меня всегда интересовало, как к таким домам-надо проходить. Никаких мини въездов в кварталы я не видел. А таких широких кварталов с кучей явно внутренних домов и дворов — полно в городе. Причём даже в центре: весь пятиугольный квартал, огороженный улицами Льва Кассиля, Халтурина, Театральной, Коммунистической и площадью Свободы, был большущий и явно со скрытыми в нём домовладениями. Но я никогда не был внутри там нигде.

Среди детей в детсаду, как я уже говорил, был Маслёнков (или Масляков). Сейчас уже был март, тепло, было солнце и чистое небо, но ещё оставались сугробы и снег. И один раз на прогулке этот Маслёнков брал в ладони снег и растапливал в воду, а когда его спросили, зачем — сказал: «А где брать воду, если вдруг война?». Я часто подцеплял поведение других — об этом я ещё упомяну не раз — и вот в тот день после детства, на Фрунзе — ещё было

солнце, меня, видимо, рано забрали, и мы с Алиной тусовались в сугробах возле моего дома — я скопировал и исполнил перед ней то маслёнковское растапливание снега и объяснение.

По воспоминаниям, тот день с растапливанием снега в ладонях был уже одним из последних моего хождения в тот детский сад на Телеграфной улице. Мама устроила меня в тот детсад так далеко, видимо, потому что в детсадах ближе не было мест. А теперь — появилось.

\*\*\*

Второй мой детсад был по адресу улица Льва Кассиля, дом десять — это через один дом от нашего. Там он весь за деревьями, и там в деревьях ещё была беседка-веранда, а рядом с ней — страшная скульптура Бабы Яги, которую я всё боялся.

Я помню, что в первый день была тренировка в маленьком спортзальчике. Там был резиновый пол и пахло резиной. По-моему, учили делать берёзку, а я её уже умел. На прогулке — было уже тепло и в весенних куртках — в первый и последующие дни я, как обычно, стоял в стороне у сетчатого там тоже забора и смотрел в сторону двора моего дома — там есть проход с Петровской улицы, и там даже могла пройти мама. Когда всех завели обратно в здание — был тревожный узел в груди из-за предстоящего обеда, как и всё остальное время в этом втором детсаду, но первый день был солнечным, и вообще весь год потом в этом детсаду у меня ассоциируется с солнечностью — для меня поэтому этот детсад был намного «легче» первого.

Я не уверен: перешёл ли я в этот детсад вот уже весной или в начале осени. Мне кажется, всё-таки в середине весны — где-нибудь в апреле — и ходил туда до перерыва на лето. Ну а лето, по воспоминаниям, было очень льякассильным и фрунзенским, никакого детсада не помнится. Тем не менее, другие события, связанные с этим вторым детсадом, я начну уже после лета.

\*\*\*

Везде таял снег, первая трава. В основном — Фрунза, Алина. Возможно, я тороплюсь на один год, но вроде бы уже и тогда я мог что-то писать, и я ходил по оттаивающей Фрунзе с Алиной и с деловым видом что-то записывал в записную книжку или по крайней мере натуралистски зарисовывал. Один раз мы с мамой шли на её работу в центр, и я что-то чиркал по дороге, идя по Персидской.

В дни на Льве Кассиля я заболел, но вместо отлёжки дома почему-то вызвали скорую. Нас с мамой отвезли в детскую городскую больницу, которую у нас видно из окна — до неё пять минут. Отец подошёл пешком следом. Приёмное отделение — сразу стресс, сразу страх, что разлучат с мамой. Но нас не разлучили. Нас вместе положили в эту больницу. Это мой первый раз в больнице. В палате — несколько коек, и там были ещё мамы с детьми.

Там были уколы и вечный стресс и страх. Грёбаные эти белые халаты, грёбанный звук стеклянных пробирок. Кровь из пальца брали. Всё вот это грёбаное говно. Но хорошо, что с мамой, а то я знал, что во взрослости надо будет лежать одному — это вообще жопа, я даже не хотел думать об этом.

Постепенно я там даже уже играл с какими-то пацанами. Отец передавал передачи и приходил под окно и махал. Недельку мы там где-то лежали. Вернуться домой было как в рай — лучше чувства нет.

Я уже давно не посвящаю каких-либо значительных отрывков поликлинике, но это не значит, что её не было. Медкарта моя напичкана листами с нечитабельными врачебными записями, датированными теми годами, и в моей памяти поликлиника — третье по значимости место в Энгельсе после Льва Кассиля и Фрунзы.

Постоянно нужно было проходить обследования: любое поступление в детский сад, школу и прочее подобное, а также просто плановые обязательные обследования означали одну и ту же насильственную рутину на полторы—две недели ради какой-то ебучей справки. Но на этом не заканчивалось. Врачи обязательно что-то находили и назначали прийти опять через какое-то время. Так запускалась бесконечная кабала.

Маме тем временем поликлиника якобы давала чувство опоры, опеки, разгрузки родительской ответственности. У неё же не было поддержки: баба только паниковала и конфронтовала, дед молчал и был ни о чём, а мой отец — особенно в серьёзных вопросах, как здоровье, где у него были растаманские взгляды, — вообще не воспринимался. Ни времени, ни источников информации у неё не было, чтобы изучить что-то самостоятельно. Вот она и полагалась на этих тёток в кабинетах, которые к тому же часто годились ей в родители и вызывали доверие и на личностном уровне. Но это всё — якобы. Дело было глубже. Это себя она бы могла не лечить и запустить (что она позже и делала), а со мной, даже не запуская, а всего лишь где-то не уследив, — уже могли вмешаться контролирующие органы.

Завуалированный даже для неё же самой под чувство опоры, у неё был трепет перед государством. Вот это я интуитивно и чувствовал всегда, и это было ключевой причиной того узла в груди в детсаду. Вся моя детская история, и особенно к её концу, когда контролировать меня будет госорган, не развивающий, а подавляющий человека и его права, — связана с этой вещью. Отец боялся психушки и ментов ещё больше, и занятно, что ничего этого в итоге не помешало этим двум фобам системы оформить мне в ней нарочно самый уязвимый статус.

\*\*\*

....

>>> Часть 18 текст 3. Кровь из носа,,, фильмы,,, мультики детства,,, о бабе,,, о деде.

....

Я подсчитал, сколько слов в тексте в каждом описанном году, и вот этот девяносто восьмой, а особенно его весна (на этом месте я хотел переходить уже к лету), — самая короткая часть. Поэтому я решил собрать всю мелочёвку воспоминаний, которую не нашёл куда вставить, и вставить её сейчас здесь. Возможны резкие переходы от темы к теме.

Я заметил, что совсем не упоминал в биографии про мою кровь из носа. Раз двадцать или больше за всё детство у меня она текла из носа, и кончится это только примерно к девяти годам. И сразу забегу вперёд, потому что всё равно не могу гарантировать и описывать не буду: будто бы был эпизод в районе первого или второго класса, что в ходе уроков или просто ругани мама звездарезнула меня по лицу, и у меня тоже пошла кровь. Это вполне могло быть, потому что чего только не было с ебучими уроками, и точно будет эпизод в таком духе в детстве позднее.

А в моменты идиллий с мамой, как я их называю, у нас пополнялся наш с ней вокабуляр всё новыми и новыми словечками. Всякие «цыц» и «козастра», «гончий» — обычно про молодых котов — и многие другие, которые буду упоминать позже. А также только нам понятные фразы и интонации.

Вместе с «Морозко» ещё с самого раннего детства моим любимым отечественным фильмом был «Приключения итальянцев в России». Когда я наткнулся на него на каком-то канале, особенно если он только начинался, — это был мини-праздник. Из этого фильма нас с мамой веселили фразы «По матрёшкам!», «Дед, ты — прирождённый гонщик». Фильм создавал идею о милосердном и снисходительном менталитете российских людей. Все наивны, комичны, будто делающие представление друг для друга. Никто ни к кому на самом деле не строг и не

опасен. Джузеппе всё простят. Мафиози взорвёт лишь машину — хулиганство. Лев не набросится. Дед, прирождённый гонщик, только выглядит, что злится. Ольга только делает вид, что морозится перед Мироновым. Всё просто ради игры. Все гоняются, а в конце всё равно придёт справедливый взрослый и раздаст всем этим невыросшим детям поровну. Так это мне всё воспринималось. Благодаря озвучке — каким-то присущим исключительно э-сэ-сэ-сэрскому менталитету интонациям и тембрам: будто все — Левитаны. И главное — благодаря отсутствию в сценарии хоть сколько-нибудь серьёзного вреда кому-то, как было бы в аналогичном западном фильме. Ведь даже в ближайших по жанру и по наивности французских комедиях с Пьером Ришаром всё равно полно причинения реального вреда и негатива. Русские вообще все комедии в этом плане были как «Итальянцы». И это ещё подтверждалось в реальности, где все меня повсюду опекали, кроме единичных уёбков ровесников, типа Косарева.

По-другому, особенный, который я видел в телевизоре с вообще самых ранних пор — года с девяносто четвёртого — был мультик с Крокодилом Геной и его песнями под аккордеон. Я уже давал понять, что он был для меня идеальным примером непереносимой мною советской кукольной мультипликации. И он был максимально лвакассильным мультиком — максимально для того зала, со мной там сидящим, играющим с пуговицами в два года, максимально для того серого телевизора и для того же ассоциативного ряда, где и всякие серые мамыны пальто. Я помню, как я — пока даже ещё не зная ни о какой другой мультипликации и даже цветном телевизоре — сижу, смотрю финальную песню про голубой вагон — и прям всё серо. Это надо было вставить в абзац, где про Михалкова с его «Шагаю по Москве». От этого мультика не хотелось жить, хоть я и не знал тогда, что так можно. И он навсегда связал поезда с грустью (атмосфера почти как в фильме «Вор» — о нём тоже будет), навсегда создал визуальную ассоциацию с чем-то постсоветским, каким-то пригородным пейзажем с разрухой и железной дорогой под серым небом. Об этом мультике мне ещё вспоминалось, когда я ездил в молодости в Калининград на поезде.

Ну а мелодии оттуда, несмотря на ассоциации, всё равно из тех, что я называю хитовыми, и я могу приводить их в пример ценных, когда ненавижу бессмысленный набор нот, которым для меня является большинство музыки в мире. А с Чебурашкой, из-за карих глаз и её (или его) маленьких бровей, как точка, всегда ассоциировалась та девочка Лидушка, про которую будет больше дальше.

Другой не упоминаемый мною ранее, но также ассоциирующийся с ранним детством мультик — про попугая Кешу. Мама рассказала, что его озвучивал Хазанов. Я этого Хазанова увидел в телевизоре, и после этого каждый раз, вспоминая попугая Кешу, я никак не мог отделаться от воспоминания этого крупного мужика в очках, который был даже похож на того попугая. Никакие эти мультики я вообще не понимал. Но чуть позже, вот в этом девяносто восьмом году, уже может быть, мне запомнился отдельный эпизод из этого мультика. Когда попугай Кеша начинает психовать: «Я смогу. Я докажу. Я покажу. Обо мне узнают, обо мне заговорят». Это был прям я.

От чего ещё я не мог отделаться, типа как от ассоциации с Хазановым, так это от некоторых навязчивых мыслей. В описываемом времени я уже знал про смерть, и вот я где-то ещё подцепил тему пустыни, жажды и того, что помиравший от жажды готов выпить что угодно. Я с тех пор всю жизнь, глядя на всякие гнилые лужи, всякую воду с дерьмом в унитазе, задумывался — выпил бы я это, если бы умирал от жажды?

С раннего детства в стенке на Льве Кассиля стояла какая-то детская отечественная книга про тропический лес. Почему-то называлась она «За стеклом». Когда через полгода я научусь

читать, я там прочитаю о том, как натуралиста, пробирающегося через тропики, облепил миллион комаров, и он давил их тысячами за раз, став весь в итоге грязный и в крови.

Хоть я и был временно — с лета девяносто седьмого по конец девяносто восьмого — погружён в тему Человека-Паука и вымышленных супергероев в современных городах с небоскрёбами, техногенной мутацией и всякими лазерными пистолетами, я всё же параллельно шёл и по своей изначальной натуралистской линии, и мне нужно было делаться способным однажды выйти «в поле». В частности, мне вот в каких-нибудь тропических лагунах понадобится надолго нырять, я думал. Я стал тренировать задержку дыхания. Как и со всеми остальными навыками из этой серии (позже будут прыжки с высоты, кидание ножа), я не прийду в этом ни к какому успеху: стандартные полторы минуты был мой рекорд в детстве, а потом я боялся сдохнуть.

Также продолжались мои сборы аксессуаров для жизни в своём коттедже, который у меня когда-нибудь будет. Я эту тему начинал в ранних годах с инвентаризации всякой неиспользуемой посуды в шкафах. Теперь, в частности, у Бабы Клавы на одном из двух холодильников в средней проходной комнате появился фильтр для воды. Для тех лет — новинка. Видимо, кто-то подарил. Вот я к этому фильтру хищно присматривался и дал БабКлаве понять, что когда вырасту, хочу его взять. В таких ситуациях она говорила: «Ну это после меня», а когда совсем категорично (обычно в перепалках с мамой) — «только через мой труп».

Одним вечером я бежал из зала в ту проходную комнату и глубоко рассёк себе ногу железкой, торчащей у пола сзади того холодильника. Я сразу упал на кровать, заорал, разревели, и меня перевязывали. Первый на теле шрам.

В маленькой комнате всегда стояла клюшка, или точнее — трость. С ней ходила пробабка Шура. Дряхлым стариком я становиться не планировал, поэтому я не рассматривал её на предмет нужности мне.

Я вроде бы до сих пор не рассказывал: под всем домом на Фрунзе был подпол. Туда было два лаза: один в маленькой комнате, а другой в кухне. Туда очень редко со своим фонариком лазил дед — в основном для доступа к сливным коммуникациям под кухней. Закатывался линолеум, деды поднимали большую доску, по которой мы ходили, и там была глубина не менее метра до противного земляного пола. Я туда никогда не залазил и мне было мерзко даже смотреть, где там дед возится. Это что касается лаза в кухне. А в маленькой комнатке поднималась такая же доска, и там стояли банки с вареньем — тут уже полметра до земли максимум. Страшнее всего было думать о подполе под залом, ведь туда, скорее всего, сто лет как уже никто не лазил, и кто знает, что там за это время могло обосноваться?

....

>>> Часть 18 текст 4. Мелочи у дедов,,, поход на кладки,,, о Олеге Николаевиче,,, о приведении,,, о Ларисе,,, о раннем театре с бабой Валеи,,, о Ванессе Мэй.

....

У деда во дворе была мастерская — я о ней упоминал совсем вскользь. Дед точил там ножи, мастерил всякие приспособы. Мой отец, когда уже после деда был привлечён к какой-то помощи с коммуникациями в доме, отмечал там разные новаторские изобретения деда, что называется, из говна и палок. Но я думаю, это просто отцовская зависть — он всегда мечтал и о доме, и о мастерской. В мастерской мы в моём раннем детстве с дедом что-то делали. Там были тиски, точильный станок. Стоять там было почти негде, свет попадал только через открытую дверь, а большая часть мастерской была завалена всяким техническим хламом, за которым вдоль дальней стены стояло ничто иное как мотоцикл Ява. Я видел только его заднее колесо,

и мне понравилась как форма, так и название «Ява» (сочеталось с «Ямайкой», к которой у меня вместе с рептилофильством рос интерес) — и так мотоцикл Ява стал моим любимым. Как помню, деды даже говорили, что буду ездить, когда вырасту. Ну да, ну да...

Иногда, особенно за столом, за завтраком, баба оживляла деда: «Вовк, Расскажи Никите, как нас звать по-японски». И дед, в какой-нибудь газете подцепивший эту информацию, произносил наши имена с приставками. Я бы был Никита-сан.

Мама часто вспоминала одни и те же рассказы деда, которых за жизнь было будто всего несколько штук. Один из них был про то, какая волна будет, если прорвёт Балаковскую плотину. Дед говорил, что она будет высотой как раз до шестого этажа Льва Кассиля.

Баба Клава рассказывала побольше историй. Один раз мы с ней шли от неё в центр города, и мы шли не по Персидской, а через мечеть и по Нестерова — там вечером было побольше фонарей и прохожие. И возле какого-то ларька она рассказала, что ранее там подорвали кого-то гранатой. В Энгельсе, и уж тем более в Саратове, оказывается, были свои банды — это я уже потом в молодости узнал. А тогда, в детстве, я думал, это всё где-то в других городах. И потому про гранату не особо поверил, тем более это было всё равно непонятно: рассказ был, кажется, до того, как я узнал про смерть.

Но где-то уже после знания про все эти гробы и трупы, видимо вот прямо весной этого девяносто восьмого года, у нас состоялся очередной поход на кладбище. Причём начался он у тёти Люси. Скорее всего была какая-то Пасха, ну или когда там все православные ломаются на кладки, была серость и грязь. Я был с мамой, и, кажется, даже бабКлава пришла, не смотря на то, что с тётей Люсей у неё был разлад. Мы собрались во дворе тёти Люси и вместе с проходящими мимо другими кучками пожилых людей — всех этих бабок в платках и стариковских одеждах — сюрреалистично двинулись в сторону кладбища через дворы. Масса стариков, и все идут в одну сторону. В духе фрунзенского прохода коров. Мы пришли на это кладбище, был дядя Валера (он среди всех тёток был главным заводилой), было серое небо, были поделки за столиком возле чьей-то могилы, поедание варёных яиц и дешёвых конфет. Я маялся от скуки. Но мама, конечно, это понимала, и мы ушли раньше. С тех пор я больше никогда не бывал на кладбищах.

Весь район дальше Полиграфической ассоциировался с пенсионерами и хрущёвками.

Множество дней, наверное даже недель времени в совокупности, затрачено за всё детство на преодоление трёхкилометрового пути от Фрунзы до Льва Кассиля. Была известна уже каждая кочка по пути. Но иногда мы выходили с мамой на Полиграфическую и Нестерова, чтобы доехать на автобусе. Один раз, только мы пошли с Фрунзы на остановку, маме прилетело на голову птичье говно, и мы вернулись. И она ещё снова вспоминала, как её подруге Шурыгиной один раз забила в волосы летучая мышь, и это была жуть для всех.

Я не мог рассказать, потому что писал настоящим временем, но тогда, на той экскурсии на гимнастику, тамошний тренер — Олег Николаевич — забраковал меня не столько за подтягивания, сколько, как мама с недовольством позже вспоминала, за то, что отца нет. А соответственно, типа, и стержня не будет. Мне кажется, Олег Николаевич видел меня насквозь, и самым главным был вопрос именно стержня. Мне кажется, про отца он заговорил в качестве отговорки, а на самом деле это было неважно — он просто видел мой психотип. Олимпийский чемпион Никита Нагорный — тоже «маменькин сынок», даже бабушкин внучёк. И тренер — женщина. А только вон что. Психотип. И точно также меня и задиры видели насквозь сразу, что я обидчивый и реактивный, и потому лезли.

Просмотр фильма «Приведение», впервые видимо на Фрунзе, с мамой, которая его уже смотрела, и дедами, был особенным эпизодом. Вроде бы это уже после того, как я знал про смерть, и в фильме обыгрывалась эта слезоточивая идея с душой после смерти, которая не может никак достучаться до оставшихся в живых. Где-то далеко дальше по биографии я, кажется, уже описал механику слезоточивости, во всяком случае я подробно её разжевал в дневнике, правда не помню за какой год и как найти... Чёрт возьми, у меня миллионы слов. Ну, я буду возвращаться к таким темам многожды к концу детской биографии... Фильм, в общем, оставил впечатление, можно даже сказать — нанёс травму, и лучше было его не смотреть и вообще не знать про смерть. Лучше быть животным, а в идеале — не рождаться ни в какой форме.

В «Приведении» была короткостриженная актриса, и моя мама тоже начинала тяготеть к этому стилю. А один раз на слуху появилась тема моделей, ну, в смысле, какая-нибудь Мисс Россия, и я слёту заявил: «Туда надо нам нашу тётю Ларису отправить». Мама сказала: «Да она разве красивая?». Я сказал: «Конечно». Это было примерно в девяносто восьмом году, когда маме было уже тридцать один, а тётё Ларисе двадцать шесть. Мне эта белобрысая, невротически себя вылизывавшая тётя Лариса казалась эталоном модельной красоты. Я только несколько лет спустя понял, что то, что я заявил, могло обидеть маму. Тем более мама видела лучше, и позже не раз подмечала слишком большую голову и короткие ноги у тёти Ларисы. У мамы не было такой невротической гонки за внешностью. У неё был небольшой отдел с женскими тубиками в шкафу в коридоре на Льве Кассиля, но она там торчала только перед самыми важными выходами, типа в какой-нибудь театр со мной.

Я не упоминал, но баба Валя, примерно в районе времени эпизода с крещением, водила меня в Саратовский драмтеатр. Там шёл «Аленький цветочек». У меня почему-то осталось в памяти, что будто бы после того спектакля там вдруг был концерт ни кого иного, как Ванессы Мэй. Когда я в интернете потом смотрел самое популярное с ней видео в Альберт Холле, у меня было чувство, что я видел именно это тогда в детстве вживую в тёмном концертном зале с бабой Валею. Более вероятно, что этот концерт просто показывали по телевизору в те дни, по какой-нибудь продвинутой Второй Садовой (местный канал такой был), и это создало в памяти такую иллюзию. Те несколько главных композиций этой скрипачки связались с центром Саратова, со словами «Вторая Садовая», «Большая Садовая», осенними саратовскими парками и культурными местами. Это же про эти композиции я говорил в эпизодах прогулки по Саратову с родителями. Интересное: я только сейчас узнал, что Ванесса Мэй в двухтысячном году приезжала прям в Саратов и выступала в Ледовом дворце.

А потом от этого драмтеатра мы с бабВалею уезжали тогда на трамвае, и он был, очевидно, номер девять, потому что ехал по совсем неизвестным мне местам — а значит, тому самому верхнему из двух путей из центра в заводской район. Я никогда тем путём до четырнадцати лет больше не ездил, всегда по Чернышевской.

У тёти Ларисы в какой-то момент я посмотрел фильм «Бездна» — тоже уже известный маме фильм, о котором она часто рассказывала, особенно когда мы говорили о Марианской впадине. Про впадину взрослые мне рассказывали, что она глубиной как от Фрунзы до Саратовского вокзала.

\*\*\*

....

>>> Часть 18 текст 5. Много дяди Серёжи,, на работе у дяди Серёжи,, покупаем с дядей Серёжей видик,,, подобрали котёнка с мамой,,, шапито и последний раз в цирк.

.....

Дядя Серёжа, мамин преподаватель из её студенчества, сейчас во всю был в должности главного архитектора Энгельса, живя в Саратове и приезжая оттуда на своей серой «Бэ эМ Вэ» — которую я вскоре понял как самую крутую машину из всех, которые ездят по городу. Собственно, работала и чертила мама дома, а говоря «мама идёт на работу», я имею в виду либо она идёт обмерять участки с рулеткой и что-то обсуждать с заказчиками, строившими коттеджи по всему городу, либо она идёт на работу к дяде Серёже. Нужны были его подписи, и он ей ставил их без очереди и решал всю другую бюрократию. Коллеги по профессии в городе маму из-за этого, мягко говоря, не любили.

Посвящу отрывок месту работы дяди Серёжи. Это было отделение городской администрации, располагавшееся на втором этаже здания на углу Театральной и Коммунистической, дом номер сорок три. Входная дверь была рядом с популярным у нас хлебным магазином. Туда заходили важные люди, поднимались на второй этаж, где сразу был вонючий туалет с куревом, а сбоку — дверь в коридор с кабинетами. Тут уже было прохладно, и тут было то, что стало моей визуальной ассоциацией с понятием «офис»: повсюду шкафы со всякими файлами и папками, офисные столы, весь этот канцелярский антураж; у должностей поважнее — крутящиеся кресла на колёсах. А самое главное, что у пары человек там была такая вещь как компьютер. Было непонятно, что это и зачем, но это было как в фильмах. У меня до сих пор, кстати, будто не было окончательного осознания, что фильмы и сериалы, которые я видел по телевизору, — это не просто не здесь или где-то в соседних городах, а вообще на другой стороне глобуса. А почему бы и не здесь? Вон — такие же офисы, бумаги, скрепки и степлеры, а дядьки в таких же рубашках и пиджаках. Разве что в фильмах — небоскрёбы, а тут — трёхэтажный дом. Планетарий и книги про космос уже были, но понимания того, что и в каких странах — ещё составить не успел.

Где-то по центру коридора была дверь, и там был самый главный кабинет — с дядей Серёжей. Точнее, он сидел не сразу там. Там, как заходишь, сидела его секретарша тётя Катя (она казалась тётей, но ей было года двадцать два) за столом — без компьютера, конечно же, только бумаги; по бокам были стулья и диван для ожидающих вызова. Ну а вот сбоку была дверь, за которой и был кабинет с кондиционером и дядей Серёжей за компьютером. Когда мы туда приходили, я в основном сидел на диване, где тётя Катя, а мама заходила к дяде Серёже. Всё было цивильно: когда он выходил и проходил мимо — я здоровался, и он тоже. Было и не подумать, что когда-то в будущем я буду//// влхзпъ я влмв \\\и выкладывать видео с этим во ВКонтакте, чтобы хоть какие-то девушки про меня узнали.

Я очень подолгу ждал маму на этом диване. Пока сидел — думал о будущем, о небоскрёбах и о том, как буду ездить на машине. А потом мы с мамой обычно заходили за хлебом и булкой «семечкой», которую я сразу ел по дороге.

Началось очень много дяди Серёжи. В один день мы втроём на его «Бэ эМ Вэ» поехали в магазин бытовой техники в Энгельсе, в районе первой школы — по адресу проспект Энгельса, шестьдесят семь. Я первый раз оказался в большом магазине бытовой техники, по крайней мере так он мне казался. Стиральные машинки, телевизоры... Я был в сильнейшем предвкушении чего-то крутого — и не зря: мы там ходили-ходили — и купили видик. Это ощущалось началом новой жизни.

Дядя Серёжа довёз нас с покупкой до Фрунзы и уехал. Сам он, кстати, никогда там не спешился и с дедами не контактировал — всё из-за маминого аборта в прошлом.

Мы занесли покупку в дом, и вскоре приходил главный Гавела, и он пробовал подключить. Что-то не получилось, чего-то не хватало. Так видик начал стоять на Фрунзе пока не функционирующим.

\*\*\*

Я постоянно таскался с мамой по её скучным делам. Один раз мы с ней шли с Фрунзы в центр, и мы пошли редким ходом — через просеку между Персидской и Нестерова, которая была прямо перед баней. Вдоль этой просеки тек так называемый Гнилой ручей с камышами по бокам. Вдоль него была дикая тропинка в заросли деревьев и кустов — в общем, суперопасное место, не для детей.

И там, на нашем пути, оказался котёнок. Он выглядел ничейным. Мы его взяли и пошли с ним дальше к дяде Серёже. Я сидел возле тёти Кати и держал этого котёнка. А потом вечером мы пошли обратно и оставили его на том же месте, где взяли.

\*\*\*

Не могу понять, как я выглядел в девяносто восьмом году, и поэтому не уверен, когда была запомнившаяся последняя поездка в цирк. Есть фотография, где я сижу в зимней одежде с павлином на коленях. То ли начало, то ли конец девяносто восьмого. А от этого зависит, летом девяносто восьмого или девятого был последний поход в цирк. На всякий случай покончу с ним уже сейчас.

Была уже жара, то ли ещё весна, то ли уже лето. И хоть мы и попали в Саратовский цирк, всё началось с «шапито» и опять же у первой школы в Энгельсе. Это было первое и последнее шапито для меня — я не знал и так и не узнал тогда, что именно называется этим словом. Мы просто с отцом и мамой приехали в то место, почти через дорогу от того же магазина бытовой техники, и там на большом газоне были приезжие аттракционы, а среди них — большой жёлто-синий круглый шатёр.

Но мы так и не оплатили и не прошли туда, а решили ехать в Саратов, где тоже тогда приехал цирк. На автобус до Саратова мы сели прямо оттуда, и, со знакомыми и уже описанными сто раз сопровождающими всем поездкам в Саратов элементами, доехали до Чапаева и пошли в цирк. Там было всё как всегда — сначала представление с людьми, потом со зверьми, ну а потом, когда весь этот цирк кончился, можно было подойти к клетке со львом, которая стояла на краю арены, и сфотографироваться с ним на фоне.

По этой фотографии, наверное, можно было бы определить время, но я не знаю, где она. Там я с отцом стою с этим львом на фоне, а за клеткой вдалеке видно маму, и, по-моему, она была с какой-то смешной физиономией, потому что эта фотография нас потом смешила.

Почти каждая поездка в Саратов традиционно включала проход вдоль всего проспекта Кирова. По всему проспекту по бокам там были преимущественно двухэтажные старые дома с арками во дворы, а никаких ворот ещё не было. С каких-то пор мы стали заходить во двор дома номер двенадцать или десять и там отливать с отцом под стену какого-нибудь дома, а в платные туалеты заходили всё реже. И мы никогда в жизни не заходили в синие биотуалеты.

\*\*\*

...

\_\_\_ Часть 19.

...

\_\_\_\_\_Лето.

....

>>> Часть 19 текст 1. Скука бытия на Фрунзе,,, с Алиной и Аней,,, брожу по двору пока взрослых нет,,, хулиганство над дядей Толей и наказание,,, Ветер с моря дул,,, концерты у лавочки,,, танцы и мои комплексы.

.....

Как я сказал, особенно до начала пляжного сезона, который начинался примерно в середине июня, это было очень «фрунзенское» лето — с Аней и Алиной мы целыми днями проводили там время на улице. Возле Аниного дома была куча песка — мы вечно там что-то строили. Но читатель может не ждать почти никакой том-сойерщины и интересного в моих воспоминаниях о времяпровождении на Фрунзе. Девочки выглядели довольными жизнью, а у меня была просто адская скука и пустота, в которой не оставалось ничего, кроме как, смотря вдаль на Саратов, мечтать и рисовать себе захватывающее будущее, основанное на том, что видел по телевизору. Но именно это и важно — именно это и обусловило завышенные ожидания от жизни и настолько болезненные обломы.

Помимо скучной «дочки-матери» и прятков, у нас было множество высосанных из пальца развлечений. Например, какие-то гадания. Натягиваешь в бок кожу на руке, и там проступают очертания якобы имени твоей суженой. Или ещё лучше: сыпешь песок, то ли в ладони, то ли как-то на руку, потом на эту горку песка плюёшь, что-то с этим делаешь, и куда мокрый комок скатится — так и будет. Супер...

Что по дачной теме и живности? Изначально меня больше интересовали всё-таки змеи, но этим летом я, должно быть, всё сильнее переключался уже на ящериц. На даче дедов их было особенно много в том месте, где лежали какие-то доски на краю участка. Ящерицы были красивые, они были потомками динозавров, и я хотел быть с ними и ими. Их жизнь казалась интересной.

Как на Льве Кассиле, я очень подолгу оставался теперь один и на Фрунзе. Там я тоже мог вдоволь насматриваться телевизора, и это было самое классное. БабКлава, получается, ещё работала, дед тоже, и мама. Тогда были самые деловые архитектурные времена у мамы. Я просыпался, никого в доме не было, я что-то ел, и ещё я мог выйти во двор. Там было начало лета, и всё, что связано с природой, оживало. Пауки, медведки — всё там было. Впервые видел паука с коконом, из которого вылезла куча мелких паучков.

Во дворе, с края ближнего к Фатюшкиным, была вскопана земля — дед строил там гараж. В куче земли я нашёл пластиковую фигурку белки со срезанной наполовину головой. Лопатой, видимо, срезали. Маме потом показал, и она сказала, что это была её детская игрушка.

\*\*\*

Как-то раз, ещё до полудня, мы гонялись с Алиной по Фрунзе и всячески озорничали. За забором от нас был этот сосед дядя Толя — муж толстой Фатюшкиной, который вечно пьяный и шатающийся. Как я уже писал, в два раза меньше жены, с побелевшими волосами, и ещё от него воняло кислым смрадом — до смеха над этим и шуток. Он что-то делал у себя во дворе. Мы с Алиной то ли в какую-то дырку в заборе, то ли как-то ещё, стояли и, окликивая, докучали ему. В то же время мы его побаивались, и когда он двигался в нашу сторону — убегали. Скорее всего, мы называли его дураком, а за обзывательство «дураком» мама и баба наказывали меня

строго. Нужно было бы наказания ввести каким-то отдельным отрывком ранее — потому что наказывали меня уже давно — но я не помню ничего раньше этого эпизода.

Дальше с этим дядей Толей я не помню, как было: то ли он сам пришёл к моей бабКлаве пожаловаться, то ли Фатюшкина рассказала, хоть и она была добрая, и если бы знала, чем это обернётся, вряд ли бы рассказала. А может, и сама бабКлава вышла на улицу и увидела наше хулиганство над дядей Толей. Как бы там ни было, я вскоре был вызван в дом, там у нас сидела Фатюшкина, и баба на кухне дала мне по губам и обругала. Я там расплакался. И она сказала идти просить прощения. И я, виновато зарёванный, пошёл, и этот дядя Толя — видимо уже подвыпивший, но по-доброму — что-то мне сказал, и я помню ещё слова «Алинка-малинка». Как я тогда воспринял, посыл его речи был в том, что не стоит мне подцеплять дурное поведение от Алинки-малинки, и мне было его жалко за его наивность, потому что на самом-то деле я был главный зачинщик. Но, возможно, его смысл был тоньше — в том, что моё хулиганство, будь даже я его основным «родителем», осталось бы «не зачатым», не водись я с компаньоном, так же способным на хулиганство.

\*\*\*

Лето со всей его энгельсской жарой уже разыгралось, и мы с девочками просиживали в тени нашего палисадника: то на лавочке, то на заборчике, а я — часто на черёмухе. Синел Саратов на горизонте. У всех на слуху был радио-хит «Ветер с моря дул», все его напевали, особенно Алина. Я тогда не видел, кто эту песню исполняет, и было занятно во взрослости увидеть, как эта Натали была похожа на Алину. Алина ещё и поэтому могла любить эту песню, если видела клип по телевизору. В общем, я тоже её напевал, даже, можно сказать, бесконечно напевал: так, что всё то лето и период жизни у меня всю жизнь ассоциируется с этой песней.

Ну а тут ещё эта тамада Аня — постоянно инициативная в гражданских направлениях. Она же была порядочная маминькина дочка, могла инициировать какое-нибудь оказание помощи взрослым и всякие другие акции прилежности. Или, вот, например, отрепетировать и устроить для взрослых концерт, когда они все по вечерам сидели на лавочке.

Мы начали репетировать. Спеть «Ветер с моря дул» и другое всякое. Неделю или две готовились. Аня говорила, кому и когда выходить «на сцену», которой была площадка перед лавочкой, и мы должны были даже исполнять какие-то танцы. Танцы мне были очень скучны, я не понимал в них смысла. Но была в этой теме для меня уже и тогда ещё одна проблема. Танцы ведь — дело чисто телесное. Если, например, при пении внимание слушателя направлено к голосу или, максимум, к физиономии поющего, то в танцах смотрят прямо на тебя физического, на твоё тело. И дело тут не в боязни насилия, отбирания твоего тела, как в поликлинике, или вмешательства в него. Оно и так уже в той поликлинике отобрано. А в том, что верчение этим телом, что должны делать те, кто ощущает над ним полный контроль, в моём случае выглядело бравадой. Якобы я в контроле над своим телом. А я ни хера не в контроле. Уже через день, на очередном визите в поликлинику, я бы мог позорно разреваться от какой-то боли. Или у меня вдруг случится стычка с каким-нибудь Косаревым, и он меня завалит. Или прямо тут, на Фрунзе у лавочки, из меня вырвется слово «дурак», мама или баба услышит, дадут мне по губам, и я разревусь перед всеми. Какой тут контроль над своим телом? Я — не свой. Мне танцевать неадекватно.

Дальше, в школьных годах, по этой теме будет всё больше эпизодов. Это почти главная линия моей истории.

Но танцевать мне всё же приходилось. Мы репетировали даже что-то парное, и я даже касался талии Ани, когда она меня учила. Но это были единичные моменты репетиций на какие-то мгновения, и я тогда никак//// а ммкланй оиюмв мв онмарегэйрь. \\\Танцы я репетировал и в доме с мамой в зале — она показывала какой-то самый примитивный вальс.

Вокруг стола с взрослыми я уже не бегал, но продолжал, как маленький, расслаиваться на полу, возясь со всякой ерундой типа пластилина, а от того места на ковре, куда год назад блеванул Марсик, до сих пор шёл сытный запах.

\*\*\*

....

>>> Часть 19 текст 2. Романтика Саратова вдалеке,,, Фатюшкин Лёша опять,,, Охотники за приведениями,,, сосед на Фрунзе дал велосипед,,, на площади и в парке космическая тема,,, пацан с манерами,,, и я перенял,,, с мамой купили огромный велосипед,,,

.....

Была уже яростная жара, прям палево, и мы с Алиной точно так же, как год назад, скатывались по соломе и резвились возле Чижей, а большую часть времени уже просто там сидели, болтали и мечтали. Для последнего, конкретно это место, где Чижи, было не самым лучшим, потому что впереди были деревья, и не было вида на Саратов. Когда я мечтал, мне хотелось смотреть на Саратов. Все мечты были там, а не в скучном Энгельсе. Этим летом, кстати, сестричек на пляже я уже не видел и не тосковал по ним.

Лёша из Новороссийска — внук тёти Вали Фатюшкиной — снова приехал погостить. Я до сих пор не представлял, что такое Новороссийск, и это название из-за слишком русского окончания меня впечатляло не так сильно, как Москва, но сам Лёша, тем что приехал из места, о котором я не имел представления — то есть повидавший больше меня — впечатлял всё равно. Да и старше меня, загорелый, со светлыми, но темнее чем у меня и пожестче волнистыми волосами, — он казался почти из типажа тех дерзких пацанов на пристани смелых. А ещё при том, что он был незлобным и по-учительски ко мне относился, я к нему испытывал не зависть, а видел в нём образец того, каким я хотел тоже стать, и даже надеялся, что стану.

А отец его, кстати, как моя мама во взрослости мне рассказала, был в своём детстве, наоборот, прям как раз хулиганистым пацаном, и это именно с ним в тот момент был мой дядь Валера, когда//// ннигж и кги п огйосияймшкз ллягпвлзъкз. \\\

Лёша в основном тусовался либо с Бобрами, которых я вообще даже в лицо не помнил, потому что они к нашему дому почти не ходили, либо с двумя сыновьями Петровых, которые жили после Фатюшкиных. Ну и продолжал Лёша ходить с отцом на Волгу — естественно умел плавать, и всё это меня тоже впечатляло.

Также опять появлялась на нашей лавочке толстая девочка Катя. Но это уже последнее лето. Постоянно она жила в Санкт-Петербурге, и это вот в связи с ней я впервые услышал про этот город.

Одним вечером там у дедов мы все смотрели телевизор, и ближе ко сну я просил посмотреть ещё. Там был необычный фильм, где какие-то странные привидения летали по каким-то туннелям, у них были хвосты, а головы похожи на лампочки. Они были все серые, и там среди них был этот самый молодой, и его звали похоже на мою фамилию, и вот его голова была особенно похожа на лампочку, что кто-то в фильме так и назвал его — Лампоголовый. «Охотники за привидениями». Я стал хотеть посмотреть его полностью и по-нормальному, без всяких «ложись спать». Всегда самые интересные фильмы шли, когда надо было ложиться спать.

\*\*\*

Фатюшкины жили без телевизора и без всяких удобств, в одной из половин своего дома. А в другой жила ещё одна семья — мужик с тёткой, — и они вроде бы жили ещё хуже, и мужик там пил. У них не было детей или внуков, и поэтому с соседями в округе они контактировали меньше, и когда были на улице — сидели всегда на своей лавочке.

Но один раз тот мужик откуда-то припёр велосипед, и он через моих взрослых дал мне его на время. Это был двухколёсный примитивный подростковый эс-эс-сэрский велосипед со средними по диаметру колёсами, и я едва доставал ногами до земли, когда пробовал. Я сам ещё равновесие не держал, и меня возила мама за руль. Лёша, естественно, ездить уже умел. Я без конца пытался проехать на нём самостоятельно. На пару дней велосипед был в нашем полном распоряжении, и можно было взять его в центр.

Надо было раньше всё это описывать. У меня на этом месте была заметка — про какого-то пацана, как-то связанного с велосипедом... Ещё про космос. А пока я дошёл до того, чтобы начать описывать, я в конце двадцать четвёртого года уже ни хера не помню. Какой точно велосипед, какой точно пацан... Всё сгинуло нахер.

Помню только про космос, и то ассоциативно: жаркий день, я на велосипеде на площади, пока мама по делам в администрации, что-то про парк, про какие-то памятники, доски почёта и изображения космонавтов где-то... Может на каком-то бетонном ограждении в парке. И всё это связывается с Гагариным, с той песней «Файнал Каунтдаун», с планетарием, а также с космическим отделением в энгельсском музее, в котором я уже тоже побывал, и там была сферическая капсула для возвращения из космоса. Всё это смешивалось в одну космическую кашу в голове и воспринималось не как что-то историческое, а как мифологическое. Представьте начало фильма «Властелин колец», и только вместо всех этих Исильдоров и Средиземья — космонавты, ракеты, космос. Что-то канувшее в историю и ставшее легендой.

А про пацана, возможно, я имел ввиду следующее. Это был как-то связанный с тем Лёшей пацан, слегка старше меня, и он пришёл с другой улицы. А возможно, вот он был на велосипеде и давал пробовать проехать и мне. Пацан, хоть и почти моего возраста, при этом был даже более уличный, чем Лёша, а уж тем более я. Это получается первый мой контакт именно с абсолютно чужим пацаном, никак не связанным ни знакомством родителей, ни соседством, ни детсадом. Он жевал жвачку и у него были какие-то раскованные манеры. А я же, как всегда, хотел быть взрослым и уверенным, и, как я писал, был склонен подхватывать манеры, и вот я подхватил его раскованные манеры — и потом, когда взрослые вышли на лавочку, демонстрировал их в своём поведении. БабКлава с кем-то сидела, наверно с Фатюшкой, и порицающе сказала ей: «Смотри, как подхватывает».

Несмотря на то что я ещё не умел толком ездить, и уж тем более мне нужен был небольшой велосипед, мы с мамой как-то раз вышли с Фрунзы, пошли по Полиграфической в сторону первой школы — там в районе с названием «Живые и мёртвые», в хрущёвке вдоль дороги на первом этаже был магазин, там были велосипеды, — и с мамой что-то произошло, или ей впарили, и в общем мы купили огромный уродский велосипед с самыми большими колёсами, какие только могли быть. Он был без верхней перекладины и складной. Судя по интернету, модель называлась «Салют». Большое седло, багажник и чехол для инструментов. Прям колхозный велосипед. Мы его довели до Фрунзы, один раз с ним может куда-то выходили недалеко, а потом он начал стоять в гараже у дедов всю жизнь. Только единожды с ним будет эпизод в школьные годы.

\*\*\*

....

>>> Часть 19 текст 3. Последние походы к Семёновой и пентатоника вечеров,,, кролик на Фрунзе,,, Мухтар укусил,,, видик на улице,,, женщина с ведром отстоев,,, я дебил носорог и стыд перед Аней,,, заметка про стыд и позор.

.....

Скорее всего, это было уже последнее лето, когда мы ходили в гости к маминной одно-  
класснице Семёновой и её дочке Яне. В те годы, на дни рождения — преимущественно мои  
— они бывали у нас в гостях на Льве Кассиля, и отец видел эту Семёнову, потому что потом,  
когда её вспоминали, он часто шутил над размером её десны — вдвойне больше высоты зуба.  
Ну а там, у их дома номер девяносто три по улице Революционной, нового вспомнить уже  
нечего. Пока мама с ней стояла, болтала, я скучал где-то возле их палисадника под тополями,  
а вдалеке с их горы был виден Саратов. Походы к Семёновой происходили по вечерам, когда  
над всем частным сектором внизу стелилась дымка от костров — повсюду жгли хворост из  
дворов — и их запах на всю жизнь ассоциировался с летними вечерами в малоэтажных райо-  
нах, вообще с летом, с девочками, а ещё почему-то даже с лесом, а также чем-то связанным  
со стариной — каким-то то ли язычеством, то ли просто славянством, а ещё с пентатониче-  
скими мелодиями на флейтах. Связь со славяниной могли создать неоднократные походы в  
том возрасте в музей в Энгельсе, где были экспозиции со всякими лаптями, макеты избышек  
и прочей деревянностью.

Ещё на Фрунзе было то, что на один день у нас откуда-то появился белый кролик. Я с ним  
нянчился в доме, носил на руках, хоть и боялся, что укусит за палец. И в этот же день к нам  
туда пришли Семёнова с её Яной, либо Марина с её Олей. Марина — я её упоминаю впервые  
— это белобрысая мамина одноклассница. Ещё раз она будет в моей детской истории, кажется,  
только один раз в школьные годы. У неё была эта дочка Оля, такая же как и Яна — старше  
меня на пару лет, которую я за жизнь видел только несколько раз тогда в раннем детстве и в  
общем-то не общался.

Ну и вот, то ли они, то ли Семёновы, заглянули к нам на Фрунзу ненадолго, и эта то ли  
Оля, то ли Яна, тоже, нянчась с кроликом, взяла его за уши. Я возмутился: «Так нельзя», но она  
сказала, что можно, что именно так их и берут. Ну а дальше кролик был пока пущен посидеть в  
уже достраиваемом гараже, а я сам куда-то отвлёкся — может на обед или телевизор. А потом  
выяснилось, что кролика больше нет. Я ревел, и почему-то пришли те соседи Петровы, и их  
толстокостная самка-матка тётя Таня Петрова утешала меня, говоря, что это они его взяли,  
потому что у них скот и другие кролики, и у них ему будет лучше. Позже стало выясняться, что  
кролик, видимо, улизнул из гаража и убежал по тропинке в сторону Персидской, где из двора  
Петровых постоянно выскакивал их агрессивный пёс, и вот он его и съел. Петровы, кажется,  
дали взамен какого-то кота, но и кот куда-то быстро делся.

\*\*\*

Один раз с Алиной, Аней и уже Алёной мы, как всегда, играли в какие-нибудь дочки-  
матери вчетвером — и, несмотря на всю бдительность взрослых, произошла какая-то фигня,  
связанная с псом Мухтаром из Аниного двора. Они его там то ли отстегнули побегать по двору,  
то ли ещё что-то, а я как раз — что было очень редко — оказался на территории их двора  
за воротами. Он там подбежал как-то близко ко мне, и я машинально его забоялся и побежал  
прочь, вопреки знанию, что от собак бежать нельзя — и, короче, он сильно залаял, был весь  
чёрный и громкий там сзади меня, прямо у жопы, и ему поэтому даже необязательно было меня  
кусать — я в любом случае уже расплакался. Ну, ничего он особо не укусил, я даже не понял,  
что произошло. Я просто испугался и растерялся — и из-за этого и расплакался. Прямо на глазах

Алины и, главное, Ани и её строгой мамы — повёл себя как маленький и не контролирующий ничего. А за слёзы, как я говорил — и вдвойне стыдно. Оставило шрам, в общем, и решение быть более обижающим со слабоумной Алиной за это. В моей лодке «Слабость» я чувствовал себя одним, и мне нужны были попутчики.

Был скоротечный эпизод с чьим-то телевизором и нашим видеком, вынесенным на улицу. Наверное, было так. У Гавел появился переносной телевизор, либо просто маленький телевизор, а во дворе у них была длинная переноска с розеткой. Кто-то из взрослых инициировал попробовать вынести наш простаивающий видеик и снова попробовать запустить «Короля льва» (все знали, что я давно без него изнемогаю). Не пошло — снова синий экран. Но я продолжал говорить и говорить про этот мультик, и ещё я рассказал Алине, что там после «Короля льва» должен быть мультик с драконами, который мне — в тему увлечения ящерицами — хотелось посмотреть даже больше. Она подтвердила. Через месяцы, когда разберусь в видеке и кассетах получше, я пойму, что она вряд ли поняла, что я имею в виду, и просто согласилась, не вдумываясь в то, что я сказал. Никаких там драконов не должно было быть — это просто у Яны, очевидно, была записанная кассета с двумя мультиками подряд.

Когда мы играли с девочками, там, в обеденное время, поднимая свободную руку почти до горизонтального положения, постоянно проходила странная маленькая женщина с эмалированным, закрытым крышкой ведром. Такие вёдра привычно видеть в столовых, больницах и в детсадах — а внутри там сваренное сразу на кучу ртов первое блюдо. Но про содержимое ведра этой женщины нам было известно, что там какие-то пищевые отходы, а откуда — скорее всего, из больницы на Полиграфической, — и потому от этой женщины было противно. Непонятно также, куда она это несла — по Фрунзе она всегда просто проходила и исчезала под горой, на Персидской. Я догадывался, что это могло быть на корм каким-нибудь свиньям.

Женщина эта была ещё и немая, и мы над ней по-детски подиздёвывались — говорили что-нибудь хулиганистое, а она не могла ответить. Ну, в смысле, я и Алина этим занимались — и даже только когда без Ани. С порядочной Аней такое наше развлечение могло даже нас рассорить. А ещё эта женщина странно и сморщено выглядела. Я с тех пор стал замечать, как неврологические и физические беды часто идут в связке.

В какой-то день — по уже не вспомнить какому случаю — к нам на Фрунзу съехалась вся тамошняя родня, особенно по дяде Валере, какие-то дальние совсем родственники. Взрослые готовили застолье во дворе, а я от скуки и от желания выделиться взял во дворе узкую деревяшку и, как дурак, бегал с ней, приставив ко лбу — воображал себя носорогом. В конце концов я не нашёл ничего интереснее, чем симитировать удар рогом в кирпичную стену дома. Кончилось раной на лбу — я ходил, зажимая рукой, и мне было стыдно, потому что это видела Аня.

Небольшая заметка на тему моего использования слов «стыд» и «позор». В эпизоде про Мухтара я написал «стыд», хотя сослался на эпизод с воздушным шариком, а там я использовал слово «позор». Я очень слаб в семантике слов, но, по идее, стыд — это про самоупрёк, а позор — про переживание насмешек и порицания.

До недавних пор (я это пишу на этапе коррекции) у меня слова «стыд» в тексте почти не было. Хотя по сути мне бы следовало, наоборот, использовать только это слово, а не «позор». Ведь если вы заметили, не было ещё ни разу, чтобы в описываемой ситуации, в которой я называю своё переживание «позором», кто-нибудь со стороны реально надо мной насмехался или порицал.

Это очень запутанный психологический клубок. Смешанно всё: начиная от того, что я описывал в самом начале про психологию плача, что я описывал про\\\\ пйнщбэлзв оёпызж \\\ \на пляже, кончая, в общем-то, любой другой частью моей истории, даже никак не выглядящей связанной с темой позора и стыда. Потому что это уже просто жизнь, уже просто то, что есть. То, в чём замешано всё.

И вот это «то, что есть» — моё переживание стыда как позора — можно было бы грубо назвать просто «бредовым убеждением» (и там, где это бредово максимально, как, например, в эпизоде с Мухтаром, где никто даже и не думал надо мной насмехаться, я всё-таки, во избежание подозрений в иронии, заменил «позор» на «стыд»). Но это не бред. Это просто то, что потребовало бы объяснение длиной во всю мою биографию — и только её бы пришлось написать наоборот.

Но зачем это делать, если можно прочесть её в правильном направлении линейно и самому (если, конечно, у вас есть мозги, а я смог передать достаточно) почувствовать ответ? Кстати, да, есть вещи, объяснение которым можно только почувствовать.

\*\*\*

....

>>> Часть 19 текст 4. Фантазии о друзьях пока один дома,,, испугался лягушки и задал,,, съел весь сервелат неэкономно,,, хулиган Серёжа на Фрунзе,, драка.

.....

Я думаю, деды уже вышли на пенсию к тому моменту, а первую половину дня пропадали они на даче. Мамы, как уже говорил, тоже до обеда часто не было, и я сидел в доме один — большим счастьем чему могло быть только сидеть там не один, а с нравящейся ровесницей. Эта не ремарка «из взрослости» с тоном сожаления, а реальные мои фантазии с самого раннего детства, и от которых тогда не страдалось. Как я говорил, я всегда, оставаясь один, мысленно был с кем-то. Если я даже во взрослости, и даже после молодости, когда фантазии уже невоплотимы, всё равно склонен бродить по квартире, воображая сценки молодёжной романтической домашней идиллии, то в детстве, рискну предположить, что просто не запомнил, я мог даже общаться голосом с воображаемыми невидимками и со стороны выглядеть как шизофреник с голосами.\\\\ Пяймшвинпия \\\и подобное — ведь были же, а также всякая беготня, прыготня и резвление по дому. А это же всё тоже с воображаемыми компаньонами, а не сам с собой, хоть я в повествовании и прибавляю к названиям этих занятий слово «ауто-».

Лучше всего помнятся состояния — да, это точнее называть именно «состояниями» — когда я ходил по дому и вёл для неё экскурсию. Желание, чтобы она оказалась у меня дома, было вообще самым основным всегда. Я бродил, смотрел на вещи и думал, как бы я ей рассказывал их истории. Когда сидел, смотрел фильм и начиналась реклама — я воображал её сидящей рядом, и мы делились мнениями о просмотренном и предположениями, что будет дальше. «Она» — да кто угодно. В то время — в основном Аня. Но могла быть и Алина. Иногда, потом, это были даже мальчики, и даже какие-то взрослые (в самом начале первого класса будет пример). Но чаще, конечно, те, кто приятней — и поэтому девочки. Это было желанием компании, а не половое. И потому это не мучило. Наоборот, я чувствовал себя хорошо. Страдание одиночество стало доставлять тогда, когда в организме уже остро завелась потребность полового. Без компании жить можно. Компанию можно вообразить. Я, вот, например, сейчас это печатая, воображаю читателя. А вот без полового — жить нельзя. И объяснять тут почему — всё равно что объяснять, почему у тебя болит сломанный палец. Словами не объяснится. Этимологии слова «пол» — достаточно.

При выключенном телевизоре в доме было тихо, и были эти разные комнаты — и до сих пор детские страхи, что вот может откуда-то из-под пола кто-то вылезет. Но было солнечно, лето, и поэтому нормально. Но один раз я прохожу через среднюю комнату, где наша с бабой кровать и два холодильника, и там смотрю на пол — а там по ковру прыгает лягушка. Это было очень мерзко: одно дело — лягушки на улице, а другое — в доме. Я нафиг испугался почему-то, и схватил тапок и стул, и каким-то образом придавил её тапком, а на тапок поставил стул ножкой и ещё встал на этот стул, вроде, для уверенности. Когда взрослые потом пришли и убрали это — я не видел, что там стало с лягушкой. После, от этого поступка, на мне какое-то время была тяжесть маленького «греха». Тогда от взрослых были часты разговоры про грех, про то, что чего-то делать нельзя — иначе ад, и всё такое. В случае лягушки успокаивало только соотнесение её с каким-нибудь домашним вредителем, как мыши. Это вот на улице я бы не посмел... Но всё равно — убил существо умышленно. Существо с глазами и головой, в которой, может быть, были даже какие-то мысли, и тоже представления о том, какие вещи делать — грех. И теперь эта лягушка смотрит на меня с рая и знает за нарушителя заповедей. А ещё, по какому-то поверью, после раздавливания лягушки должен был пойти дождь.

На тему моей кухонной несамостоятельности я, кажется, писал последний раз до перехода в повествовании в прошедшее время — ничего я сам не готовил, никаких даже бутербродов, и даже ничего сам не доставал из холодильника. К этому моменту ничего существенного не изменилось, но в один такой день без взрослых дома в первой половине дня я, проснувшись и не увидев никакой еды для меня на столе, подошёл к холодильнику и вынул колбасу сервелат. Сервелат считалась деликатесом и в обычном случае подавалась бабой Клавой по чуть-чуть на бутерброде — на любимом у меня тогда чёрном хлебе. А тут, имея уважительную причину, я оборзел и даже не стал доставать хлеб с холодильника — решил есть в голом виде. Взял нож — это был, скорее всего, первый раз, чтобы я резал какую-то пищу — и начал отрезать кругляши. В обычном варианте бабКлава снимала не перевариваемую кожурку с каждого ломтика, но я пренебрёг этим и просто сидел и выедал мясные сердцевинки, а остаток, на котором оставалось полно съестного, — выкидывал в мусорное ведро. И вот я там почти всю палку колбасы так выкинул. К обеду вернулась мама и, посетовав на такую неэкономичность, начала доставать выкинутое из мусорки, чтобы скормить хотя бы Марсику.

\*\*\*

На улице Персидской, в которую упирается Фрунза — то есть, в принципе, рядом — был дом, в котором жил мальчик Серёжа. По Персидской ездили машины иногда, поэтому мне туда было не разрешено. Но этот Серёжа приходил к нам сам. Ходил он в каких-то прям старых пальто, точно как люди в фильме «Вор». Белобрысый и конопатый, как я. Года на полтора старше. Только злой. Я прям сразу это понял. В нём, с одной стороны, была та дерзость и смелость, о которой я всегда мечтал, но в то же время, когда взрослых рядом не было, он прям отъявленно хулиганил и вредил. Тоже вот один раз затоптал лягушку, только ради развлечения.

К этому всё явно шло, и в итоге я с ним схлестнулся. Алина была рядом, и, может, кто-то ещё. Он меня, естественно, завалил, и я, когда встал, разревелся и побежал домой. Мегапозорище и большой шрам на моей самооценке. Я не представлял, что можно быть таким сильным, как он. Я в том конфликте, конечно же, был прав — это он начал задираться сразу, когда понял, какой я слабак. Но только обычно — в фильмах, например — те, кто правы и кого при этом побеждают, — они не плачут, а даже как-то наоборот. А я — всегда сразу в слёзы и всегда к родителям под юбку. Я иду жаловаться тем, кто меня родил в этот мир, вывел в социум и запустил уже самостоятельную инстинктивную потребность тут быть. Я не сам здесь оказался. А те, кто правы и побеждены, но не плачут и не жалуются, — я им хоть и

завидовал, но считал какими-то дебилами, что ли... Раз они не видят этой логической связи, не задумываются. Я их не понимал. Ну а зависть к ним у меня — потому что именно неплачущий психотип ценился и идеализировался, и я, может быть, и включал бы его в себе иногда, ради вытекающих преимуществ, — но я не мог. Потому и «позорище». Ещё и физически слабак.

Когда он после драки ушёл, нам с Алиной мои взрослые сказали, что у этого Серёжи нет мамы — умерла. В итоге это всё создало суперстранный винегрет чувств. И мега-жаль, и ненависть, и непонимание. Я-то даже не могу представить, чтобы я продолжал жить без мамы. А он не то что жил — он жил и творил зло. И не заботился о том, что его мама подумает. Значит, родители не смотрят с небес, как в «Короле Льве»? Значит, они полностью умирают? Я был рад, что этот Серёжа к нам больше не ходил.

\*\*\*

....

>>> Часть 19 текст 5. Ненавистная подчинённость детства,,, с Алиной и Аней возимся в песке,,, с дядей Серёжей поездки и на Шумейку,,, к тёте Люсе,,, статуэтка цыганки.

.....

По воспоминаниям, я почти всё то лето провёл на Фрунзе. Целыми днями с девочками у палисадника. Сестру Ани — Алёну — как я говорил, уже тоже выпускали играть с нами под её присмотром. Проводить время с ними всеми было самым лучшим, что было. С родителями, ну, в частности с мамой и бабКлавой, — постоянно было напряжение, постоянно ждал какую-нибудь нежеланность. Ну, в смысле, вот они могли взять и повести в поликлинику. Или с мамой собраться и идти на Льву Кассиля. Три километра скукоты, а потом в лывакассильщину, с херово там показывающим телевизором, с уборками в квартире, а может ещё и вермишелью, если отца нет. Сидишь на Фрунзе, всё нормально — и вдруг мама: «Скоро уже пойдём». Или вечером, когда интересный фильм: «Так, спать». «Идём мыть ноги и спать». Ну и прочая скучная, нежеланная или стрессогенная хрень. А девочки и вообще дети, сверстники, никогда не заставляли и не смогли бы заставить делать ничего нежеланного, с ними был отдых.

Всё это была пора активного строительства в районах частного сектора. Все что-то строили — то дом, то гараж, то баню. У Алины рядом с их престарелым голубым деревянным домом началась движуха, отец её там почти в одиночку всё делал. Через дом от них — тоже. Строили в то время не из лёгких пеноблоков, как сейчас, а из неподъёмных силикатных кирпичей, обычно светлых. Вот возле Гавел, как говорил, была куча песка и кирпичи, оставшиеся от строительства. Один раз мы там типа строили дом для себя. Я уже знал, как выкладывать кирпичи, но когда дело дошло до угла, я растерялся, а Аня знала и сделала угол. Я впечатлился и спросил, откуда она это научилась. Она сказала: «Да как-то сама это поняла». Мне было стыдно, что я не понял сам и уже никогда не пойму, потому что уже узнал от неё.

Аня выносила своих кукол Барби, Алина тоже, а я, как всегда, хотел Кена, и именно с оглядкой на ту мою специфическую причину, почему мне нужны эти куклы. И я видел, что мои приятельницы не привязаны к барбивскому масштабу и могли бы развлекаться другими наравне с Барби, а может и более, допустим, если бы там была какая-нибудь ходячая кукла с мотором. Продолжалось вот это моё подмечание того, что тем, чем другие дети развлекаются, я — занимаюсь. Что я — нёрд.

Мама иногда приезжала на дяде Серёже, то есть изредка он приезжал на своей «Бэ эМ Вэ» прямо к нам на Фрунзу к дому, и она высаживалась, или они забирали меня. Я тогда чувствовал себя самым крутым в этой «деревне», даже круче Гавел. У отца Гавел была до сих

пор русская «Жигули», а тут — прям «Бэ эМ Вэ», и я говорю: «Пока!» девочкам и залезаю внутрь в салон — и это был триумф и звёздный час.

Вот один раз я так залез, и Серый куда-то нас повёз. Нельзя было, кстати, его так называть — это я просто про себя прикалывался такой кличкой. Ранее я как-то получил по губам от мамы, но не помню, как это было, поэтому не вывел в отдельный эпизод.

В том далёком детстве, как я уже замечал, я часто не имел чёткого представления о том, куда мы едем, куда мы идём, что вообще происходит и произойдёт. Мы с мамой выходили из дома, шли, болтали, а потом оказывалось, что мы шли в поликлинику. Тоже было в эпизоде с покупкой видика. Взрослые не всегда объясняли, для чего и что будет, либо я не всегда мог представить, если мы шли в новое место или происходило что-то новое. Это вот было особенное ощущение жизни, отличающее детство.

В тот раз сначала мы оказались в каком-то строительном магазине на так называемой «машинно-дорожной» — той остановке автобусов в сторону дач. Там был запах грунтовок и дерева, всё по-взрослому и комфортно. Комфортно, в основном, оттого что мама — с дядь Серёжей, а когда она с ним, мне лучше всего: она не заставит ничего делать, чего не хочу. Быть с мамой с дядь Серёжей — это как и играть на улице с детьми, отдых.

Ну а дальше, после этого магазина, мы снова куда-то поехали. Все эти ещё неизвестные мне улицы Энгельса, всё как фильм, как в телевизоре. Лето, камазы, как будто какие-то дорожные развязки, будто как в Лос-Анджелесе, как видел в фильмах. На самом деле там не было никаких развязок, это всё просто ассоциативно воображалось, будто я в таком же, как в фильмах. До сих пор же не было окончательного понимания, что это вообще не то, что в телевизоре, что мы едем просто по деревне, и одинаково только то, что тут машины тоже на четырёх колёсах.

И так мы приехали в район, который называется «Шумейка». Это ближе к новому мосту. По рассказам мамы, у дядь Серёжи была где-то дача в этой Шумейке. У меня слово «Шумейка» ассоциировалось с каким-нибудь шумом и лодками с мотором.

Ну и в общем, там был пляж, и довольно много людей в тот день, а впереди близко какие-то острова. Первый и последний раз я там был. Мы втроём купались, но дядь Серёжа — меньше, в основном мы с мамой. Было солнечно и уже сильно после обеда.

\*\*\*

Тётя Люся — мама дяди Валеры, маминого двоюродного брата. Хоть мы и называли её тётя Люся, по возрасту она уже скорее баба Люся. Тётя Люся — с крашеными в свеклу волосами, маленькая, глазки близко друг к другу, работает медсестрой и умеет делать уколы.

Я заболел, и меня, видимо, некому было оставить, и меня, по-моему, на дяде Серёже отвезли к тёте Люсе домой. Пятиэтажный хрущ по адресу улица Колотилова, тридцать два А. Подъезд пахнет старо, всё непривычно, двери в квартиры отделаны мягким дерматином или вообще деревом — всё очень постсоветское. Первый или второй этаж. У тёти Люси, входишь: одна комната — слева на сторону двора, впереди — туалет, совсем справа — зал на сторону улицы, и между залом и туалетом — кухня, тоже на улицу. Всё очень маленькое. Везде ковры, стенки — то есть шкафы. В стенках за стеклянными дверцами — посуда, фотографии, статуэтки и всё подряд. Мы у неё уже были, тётя Люся — добрая, и мне тут нормально.

Мама уехала. Я лёг спать в маленькой комнате, там уютно. Кризис я там пролихорадил, проспал. Тётя Люся подходила, лечила. То ли утром, то ли вечером — типично дезориентированным — проснулся, выходил поесть. Тётя Люся была любительница лапши на молоке, но меня это не пугало — она была из тех, кто заставлять не будет. А потом мы с чем-то играли в зале, и она меня чем-то баловала. Вечером приходила мама.

Нужно упомянуть отдельно статуэтку цыганки у тёти Люси. Всю жизнь я её вспоминаю, даже если в дневниках упоминал нечасто. Она стояла в зале за стеклом в стенке, среди посуды. У тёти Люси мы начали бывать уже с моих лет трёх, и я там сразу её увидел, а мама ещё пояснила, что это цыганка, и вот я начал её бояться до того, что её чуть ли не убিরали с моих глаз. Даже в описываемое время и даже позже, бывая у тёти Люси, я косился всегда на эту стенку, где она стояла. Изначально она ещё связалась у меня с актрисой фильма «Человек-амфибия», который мы там смотрели в один из первых раз у тёти Люси в гостях. Мне показалось, у той статуэтки такие же слишком грациозные черты бровей и глаз.

Тема опасных, коварных женщин, колдуний, всегда была самой страшной и невротизирующей. Я же упоминал мою боязнь цыганок, снежных королев, боязнь быть похищенным у мамы ещё в самом начале истории. Очень древняя моя боязнь, скорее всего изначальная, — и тогда чисто как перед неизвестным и необъяснимым.//// Ю нгжкэ мжрщиз, вэпснм-позийднщ, вдппяб, кс ё б инкфд инкфня бкжйэлзв б нрёунимвёь япдт ьпжф кенрбшу уюпвам ж мгцэй-ыкщф едкчзк, оряяцзт бввыйюлё, — тдг монорн пнягпхгморблаяиж вд. Нпёанбэ пм з зеап-эчекльй рвир-тдпжчэк, \\\то к психологическим линиям вроде тех, что в дневниках у меня называются неологизмами «нктсм» и «ямаий тупик». Но там, в дневниках, нет ничего нового — я по сути про всё это уже здесь в детской биографии пишу, и в более осмысленной и хронологической форме.

\*\*\*

....

>>> Часть 19 текст 6. Какие-то девочки на даче у бабы Вали,, с бабой Валеё купили Человека-паука,, с отцом в саратовский горпарк и на лодочках,, смотрю Человека-паука по телевизору и с мамой к колхозному рынку.

.....

У бабВали на даче вход в её вагон был всё ещё с дальнего торца — где шиповник (в двухтысячных он закроется и будет с другого). Как-то раз по перилам лестницы, которые там возле двери, я залез на крышу вагона. А на участке наискосок через проезд были две девочки. Скорее всего, я потому туда и залез — наблюдал за ними. БабВалё, как помню, поняла, за кем я наблюдаю — я не скрывал. Она, видимо, не была знакома с хозяевами того участка, иначе, будучи сверхзаботливой, наверное, попробовала бы меня свести с теми девочками.

Я видел их только тот один день и потом ещё долго про них думал.

В торговом комплексе на первом этаже недалеко от бабВалиного дома на Энтузиастов мы купили мне электронные часы. Были какие-то в них ещё функции, какие-то кнопочки. Ничего этого не работало, либо я не умел — они и основную функцию едва исполняли и недолго.

Мы с бабой Валеё постоянно ездили на дачу. Постоянно сидели в кустах, собирали ягоды — в смысле я тоже. Не помню, чтоб мне сильно это нравилось, но в то же время здесь был элемент накопительства, и результат работы был очевиден. Но, в принципе, это хорошее время — мы шутили и у нас что-то происходило, а по дороге мы всегда покупали мне какое-нибудь мороженое или жвачку, и я смотрел, какие там вкладыши. Я продолжал загоняться по Человеку-пауку.

В один из дней мы очень долго ходили с бабВалеё по базарчикам в её районе, разным торговым точкам — никаких больших супермаркетов же не было, и товары продавались в основном на базарах под открытым небом — и я всё смотрел и смотрел кассеты для нефункционирующего видика. В основном были «Черепашки-ниндзя», которых я не видел, и всякие диснеевские мультики для девочек. Это всё было не моё. Мне хотелось мультики с как

можно более детализированной графикой и реальными пропорциями. Лучше всего это было реализовано в «Человеке-пауке» — это ещё и поэтому я его полюбил годом ранее. Это было в духе загона по масштабу Барби: игрушечные модели должны быть масштаба Барби, а мультики должны быть с правильными пропорциями. Иногда, кстати, такие правильные пропорции были и в отечественных рисованных мультиках по сказкам, а ещё правильные пропорции были в «Черепашках-ниндзя», но сказки были не про современность, а «Черепашек» я не видел, и поэтому — только Человек-паук.

И вот я присмотрел одну на большом базаре, который был на восточном углу Энтузиастов и Кавказской улицы (там был пустырь). Мы часа три ходили от Шарика до этого базара, через всякие другие магазины, туда-сюда, и только уже в конце дня вернулись в очередной раз к этому лотку и купили. Там было несколько серий, как я понял. Я хотел быстрее уже посмотреть.

В этот или другой раз от бабы Вали забирал отец, и мы проехали через Саратовский городской парк. В смысле, мы вышли там на Чернышевского, на остановке. Это была вторая половина дня, лето, и там было много народу. К этому моменту я там уже один раз был с бабой Валей, но я не знаю когда, поэтому не стал врать и никуда вставлять раньше. Скорее всего, в три года. С бабВалей там первый раз в жизни видел белок — в холодный сезон мы там были.

Ну а теперь вот зашёл туда с отцом. Посмотрели белок, лебедей. Было странно, что всё это видишь в центре города, а не где-нибудь на даче, где реальная природа.

Ну и потом мы там пошли к прудам в южной части парка, и там был прокат лодок — он всегда там был и есть. Мы оплатили, залезли, и отец начал грести. Это первый раз в жизни, чтоб я плыл над водой. Он ради этого опыта и устроил. Наверху свисали ивы, был какой-то мост — мы под ним тоже проплывали. Вода зелёная — ну это так деревья просто отражаются. Всё было как на картинах с пейзажами.

А потом мы приехали в Энгельс, и где-то на середине пути между центром и Фрунзой он передал меня маме. Я там всем рассказывал, как плавал на лодке.

А кассета «Человека-паука» стала лежать у дедов вместе с «Королём Львом».

На Фрунзе запомнился один вечер. Вторая половина дня, пережаренное лето, выцвевшая трава везде. Мама постоянно в делах. Ей надо было ходить по разным госучреждениям, связанным с городской инфраструктурой, подавать или брать какие-то документы. В этом была её работа, помимо черчения, и уже даже чаще черчения, потому что много её чертёжной работы взяла на себя бабКлава, которая тоже ведь была со строительным образованием и умела чертить как нужно, а особенно считать что-то инженерное. Там было очень заумно — огромные технические листы со схемами коммуникаций и цифрами, а из электроники на подмоге был только калькулятор.

И вот я сидел на Фрунзе, в доме, смотрел по телевидению «Человека-паука», ближе к вечеру он шёл. А тут пришла мама и сказала: надо идти. Это вот то, почему я не любил быть с мамой, а любил быть где-нибудь на улице с детьми или один дома просто. Даже сейчас, во взрослости, когда я мечтаю вернуться в детство, где ни хрена ни о чём не надо было заботиться, я всё равно помню то чувство и ту жизненную тяготию, и вечно доёбывающие дела. Заботиться не надо было, а вот делать надо было. А сейчас — и заботиться, и ещё и делать, и всё это, когда жизнь нахуй просрана и никаких надежд.

Ну и, короче, мы пошли. Точнее, мы, по-моему, даже поехали, потому что нужно было совсем далеко — к колхозному рынку, в главную энгельсскую пожарку, там их учреждение. И вот я стоял там на улице, пока она заходила внутрь что-то делать. Это было уже ближе к вечеру, и напротив был этот пустующий колхозный рынок, на который нам скоро нужно было снова идти покупать мне всякое шмотьё на осень и зиму.

\*\*\*

....

>>> Часть 19 текст 7. С отцом в тир,, на пляже Нептун,, начало Зены королевы воинов,, отец Ани сделал видик,, дал кассеты,, отнесли видик на Льву Кассиля,, засел за Человека-паука,, Ельцин по Полиграфической.

.....

Бывал и пляж с отцом. Часто только с ним вдвоём — мама работала. По дороге иногда заходили в тир. Там нет окон, было темно, и больше всего света было в конце зала, где мишени. Сразу, как заходишь, было очень тесно и сразу упираешься в как-бы барную стойку, на которой лежали эти пневматические — ну или какие они там — ружья, привязанные к этой стойке железным плетёным канатиком. Стреляли маленькими металлическими пулями — вот их надо было покупать в кассе сбоку, там сидел человек. А ещё можно было найти эти пули на полу, и тогда тоже можно было выстрелить, а человеку в кассе было пофиг (это же было государственное развлекательное заведение).

В первое время в основном всё делал отец, но потом там мы брали табуретку, и я вставал и тоже пробовал. Ну, я со средним успехом попадал. За всё детство раз пятнадцать мы туда заходили. Когда с отцом, когда с мамой.

Дальше с отцом мы шли на пляж, и по дороге была вся эта уже много раз описанная атмосфера набережной. Отец, как обычно, просвещал на все подряд темы. Мне тогда запомнился миф про Икара — которого предупредили, что нельзя взлетать высоко, чтоб не расклеились крылья, но он ослушался — и упал и разбился. Уже знающий про смерть, я всё про себя думал — вроде бы сказка, а какая жестокая.

На пляже в один день — это был обед, солнце, жара, беляши-гуляши — вдруг подплыл катер, и с него сошёл на берег Нептун. Человек в причудливом наряде морского бога. Ну, так объяснил отец, что это Нептун. Это был какой-то перформанс для детей. Я уже имел небольшое представление о богах и древнегреческих темах, понимал, что это как-то связано с Гераклом, да по-моему даже в какой-то серии «Геракла» там какой-то бог из моря вылезал, и это было впечатляюще. А, нет, Нептун вылезал в начале каждой серии сериала «Зена — королева воинов». Опять запоздал с интродукцией. Она началась в этом, девяносто восьмом году, весной. Я помню, что «Геракла» и «Зену» я всегда смотрел на Фрунзе, видимо канал «Эн Тэ Вэ» вообще не показывал в те годы на Льве Кассиля, либо — скорее всего — мы просто большую часть времени жили там. Потому что я вот даже почти ничего и не вспоминаю по Льве Кассилю в это время.

Ну а «Зена», я сразу понял, что это из типа «Геракла» — в смысле, та же эпоха, тот же мир и, судя по всему, как-то связанный пантеон богов. «Зена» была крутая, тётя-акробатка — впервые в ней меня стала привлекать акробатика — но она была взрослая, мне казалось, она лет на десять старше моих родителей, и поэтому я не сильно завидовал, мне до неё ещё расти и расти, я думал, а уж до Геракла — тем более.//// Пдзптэйыкм-подямёкм \\\Зена зацепить тоже не могла — она была добрым, здравомыслящим супергероем. У неё ещё был этот суперприём — тычок двумя пальцами в шею, она постоянно вырубала им мужиков. С ней была какая-то блондинка — вот та уже простушка, но теперь уже слишком простушка. В какой-то момент были серии, где был и Геракл, и Зена, а потом осталась только она (по-моему, до моего первого класса или даже чуть в течение него), а Геракл навсегда ушёл.

\*\*\*

Отец Ани на Фрунзе и вместе с ним вся его семья были тем, что мои взрослые называли «сектанты». Какие-то Адвентисты. Жена его — тётя Света, мама Ани с Алёной — была репетиторшей английского, а он имел какие-то связи с Америкой. И вот моя мама, ходившая к ним в дом, рассказывала, что Света им туда звонила в Америку и передавала какие-то сообщения от мужа. Всё у них в семье поэтому было цивильно, даже строго, и не безденежно. Народ к ним какой-то приезжал раз в неделю, что ли.

Я не разбирался тогда ни в чём, и у меня из-за его тёмноволосости, кареглазости всей их семьи, ну и из-за слова «секта» сектантский нюанс их семьи ассоциировался с мусульманщиной и мечетью, которая там на районе тем более каждый вечер заывала. Мне казалось, будто они про это. Я поэтому в эпизоде знакомства с Аней, написанном в псевдо-настоящем времени, упомянул мусульманщину. У этих адвентистов была своя церковь.

Вот этот Гавел — Володя, его звали — строил здание церкви в Энгельсе на проспекте Энгельса. Мы туда ещё к ним съездим один раз. Я тогда не понимал, что это церковь, думал просто ещё один их дом. Мама делала проект, в общем. Володя этот часто заходил к нам в дом, и они стояли с мамой и бабКлавой над чертежами и по два часа суперсучно что-то обсуждали у выключенного телевизора, чтоб не мешал. Он всегда хромал, еле волочил ноги, и мама мне позже рассказывала, что это ему подрезали сухожилия в тюрьме — так делали, чтоб не убежал.

Ну и вот, как-то днём этот дядя Володя принёс нам шнур, видимо, или какой-нибудь переходник — и о чудо: пошло изображение. Он нам сразу ещё занёс пару кассет с Аниными диснеевскими мультиками. Я для порядочности кое-как выдержал минут пятнадцать «Красавицы и Чудовища» — там была сцена, где эта прилежная главная героиня брала в библиотеке книгу, что сразу напомнило саму Аню — и потом выключил и начал восполнять полутороговой дефицит «Короля льва» в глазах, а также человека-паука.

Скоро мы отнесли видик на Льву Кассиля. Я там сидел и смотрел, и смотрел теперь человека-паука по кругу. Вступительный музыкальный проигрыш в сочетании с комбинацией сочных красного и синего цвета в визуальном ряде вызывал во мне прям физически ощутимый дофаминовый всплеск. В музыке были мрачноватые хроматизмы на электрогитарах (я тогда, кстати, не знал, что это гитары), наподобие мелодии «В пещере горного короля» и «Морозко». На всю жизнь это тогда сформировало во мне тягу к таким мелодическим решениям.

Кассета человека-паука начиналась с серии, где был человек-ящер — скрестившийся с ящерицей какой-то учёный. Я стал помешан на этой идее, хотел сам стать мутантом, хотел быть таким же ящером и в белом халате — эстетика у меня такая сформировалась. Я всех взрослых заколебал этим своим загоном. Ну и ещё больше я, конечно, стал увлечён рептилиями.

А последняя серия на кассете называлась «Чёрная смерть». Там была, как я понимаю, знаменитая в этой франшизе схватка Паука и этого чёрного страшного злодея в какой-то башне или соборе. Я прям обожал всю визуальную часть этого мультика, а также архитектурные элементы, какие там были — небоскрёбы, жилища людей таунхаусного типа, вообще Нью-Йорк в целом. Годом позже я стану помешан на Нью-Йорке.

И мне хотелось продолжения, мне хотелось ту серию, кусок которой видел когда-то в рекламе по телевизору — где человек-паук мутирует и превращается в шестирукого.

Ну и, конечно, Мэри Джейн, с этой идеальной фигурой и чертами, диснеевскими, как я их называю, глазами и её идеальным женственным характером — я в ней сразу увидел образ идеальной подруги. Я бы её спасал точно, как он, я бы постоянно был неожиданным и полным сюрпризов для неё. Я бы был полноценным мужчиной с ней. Такие были мои мечты и надежды на будущее. Такое русло мечтаний, кстати, шло отдельно от тех фантазий быть рептилоидом.

\*\*\*

Двадцать шестого августа в Саратов приезжал Ельцин, и он должен был сгонять на военный аэродром, который возле нашей ангельсской дачи. Он должен был проехать по Полиграфической. Ближе к вечеру я с дедом ходил смотреть. Машин, конечно же, было много, и было не узнать, в какой он.

\*\*\*

∴

\_\_\_ Часть 20.

∴

\_\_\_\_\_ Осень.

∴∴

>>> Часть 20 текст 1. Парк юрского периода,,, голливудская музыка,,, второй детский сад и улы,,, влюбился в Машу,,, Саша Емельянов,,, Никита Козлов,,, каратэ.

∴∴∴

Думаю, тут уже начнётся осень, потому что следующий эпизод был в холодное время.

В одном из кассетных ларьков — они были буквально на каждом углу крупных перекрёстков — на перекрёстке Пензенская и Энтузиастов бабВаля купила мне «Парк Юрского периода» — главный первый фильм. Я давно на прилавках видел эту кассету с тёмной обложкой и фирменным логотипом с динозавром, и я вообще не знал, что это такое — я думал, какой-нибудь скучный мультик. Но он был везде, и я понял, что надо. Тем более динозавр.

Динозавровая тема, спецэффекты и все те герои — всё это впечатлило сильно и надолго. Но перейду сразу к музыке. Засела она мне в голову. Не то чтоб я её специально переслушивал когда-то потом или сейчас, но сам выбор нот и тип мелодизма — «голливудский уровень запоминаемости мелодий». Как «Король лев». Вот на таком я формировал музыкальные вкусы, а не на какой-нибудь другой ерунде. В то же время быть может ту, что я считаю идеальной, я считаю идеальной просто потому, что сформировал на ней вкусы, просто потому что она была первой. А сформировался бы на той другой, которую считаю ерундой, — то считал бы ерундой эту.

Вот сейчас, когда пишу это, на одном форуме вроде взрослый музыкант называл мою музыку дерьмом, а я зашёл в другую тему посмотреть, что он котирует — и там прям дерьмо. Это важные вопросы для тех тем, которые должны появиться к концу моей детской биографии. Постепенно буду писать по ним больше.

Я множество раз пересматривал этот «Юрский период», как и все другие мои кассеты. Всего у меня к концу детства будет около двадцати пяти штук.

Где-то тоже в это время бабВаля мне подарила фильм «Освободите Вилли» — тоже одна из первых кассет. Про него, впрочем, нечего рассказывать. Фильм как фильм. Самостоятельный пацан там, завидовал я ему и всем ему подобным. Мне-то даже ещё дороги было нельзя переходить.

\*\*\*

Ранее летом, когда мы часто похаживали в офис дяди Серёжи, я иногда заходил с мамой в его кабинет, пока его не было. Там было прохладно от кондиционера, как уже говорил, и там были дарты и мишень. Мы там кидали. Надо было попасть в центр. Вот этой осенью он нам их подарил, и я теперь кидал дома. Началось львакассильное время.

Вот и вернусь теперь к детскому саду, описание которого я остановил прошлой весной.

В первые же дни я там сразу влюбился. Маша. Не знаю, что я в ней нашёл, мне просто надо было кого-то любить, и видимо она была самая заметная, а другие совсем как моли. Хотя одна из этих молей была Оля — даже вот запомнилось имя — которую я уже через год, когда выпущусь из этого детсада, вспоминал с романтическими настроениями. Оля была тихоня и вообще незаметная, ни разу пока ходил в тот детсад я вообще о ней не думал.

А эта Маша, как мне виделось, «крутила роман» с одним из работников детсада. Потому что она называла его не Сергей, а Серый. А почему мне казалось, что это роман? А потому что это были девяностые, и на всех гаражах были надписи типа «Маша плюс Саша равно любовь». Маша было самым частым именем, и с ним автоматически ассоциировалось слово «плюс» и остальная часть примера.

Я уже не был таким робким, как в первом детсаду. Пару первых дней я отсиживался на месте, а потом постепенно ожил, начал бродить по игровой комнате до окон. В какой-то момент делал там даже мостик на ковре и было интересно, умеет ли Маша. Все там сидели и валялись по полу — то в ходе зарядки с утра, то в ходе свободного времени. В спальне там были двухъярусные кровати, я был на втором ярусе. Основное всё было по-прежнему: дневной сон я не спал; перед обедом, в гаданиях будет ли манка или молочное, вязало узел в груди, и никогда я там не срал, кроме одного раза, который позже опишу. Постоянно ждал маму и никогда не хотел туда идти. Всё как обычно, но всё-таки уже не так жёстко, как в первом детском саду. В первом была прям травма на всю жизнь.

В этом детском саду появились двое других из всех шести моих за всё детство хоть сколько-то долгосрочных компаньонов мужского пола — Саша Емельянов и Никита Козлов, мой тёзка. Никита и Саша были на год старше меня, как и будут все те мои остальные компаньоны всё детство. В детсаду нас, пацанов, там связывало увлечение Человеком-пауком и Бэтменом.

Саша Емельянов жил в хрущёвке напротив нашего дома через двор. В этой хрущёвке за поворотом был магазин еды, и мы туда ходили за хлебом. Мне уже без анализа видно, почему я тусовался больше именно с этими Никитой и Сашей: мамы были знакомы. В случае Козлова они были даже связаны: его мама тоже работала в архитектуре, и её мама — его бабушка — тоже. А вот родители Саши — ну тогда я про это ещё не знал — у этих строился дом на Персидской, и мама его им оформляла. Хотя, может, моя мама с Емельяновскими познакомилась уже в процессе моего хождения в детсад и только потом уже взяла в работу их дом, не знаю. В любом случае они быстро стали приятьствовать, я там видел.

Как маму Козлова — не помню, а маму Саши звали Вера, и она была маленькая, мелкая, коренастая. Отец был малословный, мало интеллектуальный, но рабочий и всё умеющий мужик. Оба занимались торговлей шмоток на ярмарке — классические челночники девяностых, возили из Москвы.

У Емельяновых я вскоре побывал в гостях: двух- или трёхкомнатная, всё до потолка заставлено вещами в духе эпохи — пацанскими турниками, полками с кассетами, приставочными играми. Антресоли, везде постеры всякие. Всё у них было. У них была черепаха, и ещё у них был даже старший родной брат Саши. Уже не помню, как его звать. Тихий, с задатками интеллектуальности. Сам Саша был раскованный пацанёнок, не больно умный, но и не злой. Он ходил на каратэ, был крепче меня, казалось, многое умеет. Но ветренный, бесцельный. Во взрослости, мама рассказала, он прям одебился, а брат его — наоборот. Брат был астматик и дохлый, мама рассказывала, они изначально вообще из другого региона переехали к нам из-за его здоровья. С Емельяновыми неформальная связь у нас будет года три.

Никита Козлов был интеллектуальнее Саши, потому что невротичнее. Отец был приходящий-уходящий и как-то связан с каратэ. Вообще, в то время все подряд были каратистами. Я сразу остановлюсь на этом.

В Энгельсе в нашем районе секция карате была во «Дворце пионеров». До сих пор не упоминал это место — совсем рядом с Львой Кассилей: площадь Свободы, пятнадцать А. К тому моменту я пару раз уже заходил туда с мамой: там была детская библиотека, и мы брали какую-то книжку про природу — я в ней впервые видел ужа. Ну а так, иногда по дороге к бабе мы проходили через двор этого Дворца и смотрели в окна зала на первом этаже: там пацаны в белых кимоно стояли и махали руками, а иногда отрабатывали какие-то приёмы и броски друг на друга. В те времена я уже им завидовал. Уже понимал, что даже если в процессе постановочной драки по мне ударят — я расплачусь. Я уже успел подизучить себя, паттерны своей психики, заподозрил, что я долбаный невротик и могу двигаться к какому-то пиздецу. Но пока продолжал надеяться на лучшее, и всегда в этом меня, кстати, будет воодушевлять тот мой один год в запасе до возраста моих одноклассников в детсаду и одноклассников потом в школе.

Ну и вот, как и Саша, этот Никита Козлов должно быть тоже ходил на это каратэ. Только он был этим увлечён обсессивней, потому что там интерес подогревал отец, привозил ему кассеты. Это я узнал уже через несколько лет, когда у нас было обычное приятельство с хождением друг к другу в гости. Его бабушка жила в нашем доме в другом подъезде, а сам Козёл жил в десяти метрах от забора детсада — на Петровской, шестьдесят пять. Зная про его каратэ, Козлом его, конечно, никто не называл.

Был ещё какой-то незлобный Ринат. Но он был и сплыл после детсада навсегда. Злобных и сильно дебильных в этом детсаду не было, нормальный был детсад в общем. Может, ещё какие-то мелочи про этот детсад я успел записать в шестнадцатом или семнадцатом году в дневниках, когда ковырялся в прошлом и память была свежее, но не могу найти запись.

Помню ещё, что сразу в начале этого детсада, когда я ещё никого не знал, нас построили в ряд и повели куда-то по улицам. Помню, что дошли до музея — до Родины. Такое периодически бывало в городе — детей водили куда-то по улицам пешком. Не получается представить такое сейчас. Я такого не видел лет двадцать. В то же время я на улице и почти не бываю лет двадцать.

\*\*\*

....

>>> Часть 20 текст 2. Её звали Никита,,, Секретные материалы,,, реслинг и добровольцы боли,,, патлачи и рок гитары.

....

Несмотря на детсад возле дома, у дедов мы бывали всё равно часто. Лучше всего запомнилось то, как там протекали вечера. Было как обычно всё: посиделки в зале, «Поле чудес», Фатюшкина на специальном для неё стуле, грызня семечек. БабКлава вязала мне носки, а иногда играла с дедом в карты. Местная идиллия.

С осени на каких-то из тех каналов, которые там показывали лучше, чем у нас дома, начался сериал «Её звали Никита». Меня давно бесило моё имя, кончающееся гласной буквой, как женские, а теперь ещё и это. Сериал я не смотрел. Баба была красивая, но своеобразная. Может, конечно, просто весь сериал такой понурый, но я ни разу не видел её улыбающейся.

Всегда какая-то взволнованная, а главное, из-за того, что внешне вся такая прозрачная, — она мне казалась больной. И ещё настолько квадратная челюсть казалась перебором. Она шла поздно, как помню.

А ещё, сразу напишу, в октябре начались «Секретные материалы». Начинались близко ко сну, когда мы там все уже стелились, и тоже с тревожной атмосферой. Запомнилась главная мелодия. Мне казалось, что раз там такая предупреждающая музыка, там могут быть монстры и что-то интересное. Один раз даже было что-то близкое. Но больше ничего никогда.

\*\*\*

А вот другой вечер на Фрунзе. Должен отметить, что по разным данным в интернете это либо конец сентября этого года, либо декабрь. Этот эпизод — в настоящем времени.

Теперь, когда всё интересное взрослым и новости на главном канале кончились, когда взрослые уже болтают, есть немного времени до сна, и пульт — мой, я начинаю гонять каналы. И останавливаюсь на чём то странном.

Мышцатые мужики с широкими плечами в резиновых штанах, с оголёнными торсами или в порванных майках, часто с длинными волосами или наоборот лысые, без всяких перчаток и шлемов кидают и лупят друг друга на боксерском ринге ногами и руками так, будто тут не то что не бокс — а вообще нет никаких правил и запретов. Подпрыгнув с канатов или подброшенные оппонентом, они прилетают с двухметровой высоты прямо на туловище — на ринг, а то и на кого то, кто там уже валяется. Напомню тем, кто давно не падал: полмесяца потом в синяках и с больными шишками — и это с высоты детского роста. А тут — с высоты полутора взрослых. И всё это перед многотысячными зрителями, скандирующими восторг от падений и ударов, чем больнее — тем громче.

Я не понимаю — реальность это или нет. Ну не мультик же.

Какой то судья мечется возле дерущихся, но на него не обращают внимания или отшвыривают — правил, кажется, и впрямь нет. Как и определённой цели. Примерная их цель, очевидно, — сделать другому стыдно. Чтобы другой потерял тот самый контроль над собой, а снизведший его в эту недееспособность наоборот утвердит свою имеющуюся силу и даже приобретёт ещё — будто забрав у того, кого снизвергнул. Делать это можно по разному, но тут выбран самый простой и первобытный способ — через причинение другому адской физической боли.

Мне совсем не комфортно смотреть такое вместе с родителями, потому что от всех этих//// адци с йгмь б цсэлят борягр мжрщия, йлрннсэ э, ияз богвбю, лдеюлврмл нп богф вяйэй — км япе ядорниит. \\\

Вскоре от некоторых сцен — например, когда кто-то собирается сделать что-то дерзкое (обычно вот напрыгнуть со всей дури с большой высоты на оппонента, уже и так валяющегося на ринге, чтобы добить), но при этом тут даже ежу понятно, что тот, кто лежит, — просто притворяется лёгкой целью, а на самом деле откатится в последний момент, как тут часто бывает, — и тот уже заранее ликующий, летящий, прилетит на жёсткий пол, отобьёт себе всё и разобьёт своё лицо зазря, испытает адскую боль, — до той степени понятно, что очевидно, это понятно даже и тому прыгающему бойцу, — мне в голову мучительно врезается новая тема — добровольного самобичевания, «добровольцев боли».

Я не представляю причины, ради чего на это можно пойти, не могу представить себя, пойдущим на это. Но могу представить себя на их месте: он только ещё собирается прыгать, а я уже за него будто ощущаю всю ту боль, которая через мгновение будет его. И они там — все такие. Все, кого показывают, включая каждого зрителя. Все ликуют, а не страдают в эмпатии.

тии. Все противоположны мне — возведшему в главный жизненный принцип избегать любого дискомфорта и уж тем более любой боли. Ну, чаще они там, конечно, удачно причиняют боль именно противнику, а не себе.

Но тут вдруг — вообще жопа. Бойцы же здесь ещё разговаривают между собой, отбирая моральные силы словесно: запугивают, насмеваются и злорадствуют. И посреди этой перебранки вдруг звучат слова «я тебя убью», «сейчас ты умрёшь!». Это вообще как? Неужели убивают по настоящему? Кому то — шоу и развлекуха, а кто то навсегда тут сейчас упадёт и прекратит жить на глазах тысяч людей в том зале и в телевизоре, на глазах всего мира? Весь мир сможет представить его через пару дней в гробу с кукольным лицом. Все пойдут в чёртов детсад, и пусть там даже лапша с молоком и вся хуйня, но этот умрущий патлач же вообще просто никогда не сможет даже шелохнуться. А ведь у него, наверное, были планы в жизни. Он тоже смотрел какие то сериалы. Он ничего этого не сможет досмотреть. Наказан смертью. Каким то лысым потным дегенератом. И причём он полез в это сам, сам запрыгнул на этот ринг, с большим энтузиазмом. И никто не помог, никто не остановил. Все этого наоборот только и хотели — чтобы он умер. А где его родители и что чувствуют они и другие его близкие? Что чувствуют, думая о его родителях, те, кто рад тому, что он умер?

Ничего такого пока не происходит. Это просто моё воображение нарисовало сразу эти картины, эти перспективы. Но бой продолжается, они продолжают грозиться исполнить убийство, а после убийства всё это естественно станет реальностью.

Дед говорит: это называется реслинг, и тут на этом канале его будут так по вечерам показывать ещё. И он ещё озвучивает «бввззздыщщц», когда очередной доброволец несётся к своей очередной боли.

Сажу молча охувший.

Мы прям перед сном гоняем ещё какие-то каналы, и тут другое: такие же, как эти «реслеры», — волосатые, один из них — также патлатый блондин, и также на сцене все. Только они тут с гитарами странной агрессивной формы, типа ракет или молний. Этот блондин размахивает головой и волосами как вентилятором. И звучит какая то необычная музыка — такой не играет по радио никогда нигде. Сразу особая атмосфера, сразу какие то колонки, микрофонные стойки, сценический свет. В принципе — особая атмосфера от этой музыки. Что то совсем другое. Но кстати связанное с реслингом. Чем? А всё той же темой тревожности перспективой утраты контроля над физическим собой.

Пока всё, пойдём спать — завтра нам с мамой возвращаться на Льву Кассиля, с нами ещё пойдут деды, потому что им надо в том здании «Родина» бросить какие то скучные бумажки в какие то ящики — это называется какое то «голосование».

\*\*\*

....

>>> Часть 20 текст 3. Отец уезжает,, лывакассилящина с мамой,, покупаем велосипед Кросс,, начало подготовительного лица.

.....

Остаток девяносто восьмого года я жил вдвоём с мамой — теперь уже классическую Льву Кассиля: строгую, электрическую, с ссорами и наказаниями. Дело в том, что началась подготовительная школа, но для неё скоро отдельный отрывок. А насчёт отца... Ну, за прошлые годы я уже увидел закономерность того, как периодически, обычно с началом холодов, мамин

ной работы, моих походов в детсад или поликлиники — всей серьёзной суеты — он уезжает к бабВале. А теперь я уже обращал внимание и на их отношения, на нервную молчаливую атмосферу, когда он собирал свой чемодан, и стало понятно, что они из-за чего-то ссорились — вот он и уезжал, потому что квартира мамина. Выфутболивание» — как это у нас в семье начнёт называться (мамой — с иронией, а бабВалей, ну и самим отцом — серьёзно, с чувством несправедливости). По словам мамы, он всегда уезжал сам.

Запомнилась одна сцена, возможно именно в это выфутболивание. Вечер: я сидел на полу в зале возле стенки, считал свои деньги, которые уже потихоньку копил монетами, а отец угрюмо собирался в коридоре. Я что-то его спросил, типа «уезжаешь?», с жалеющей интонацией. Жалел я больше себя — у меня уже на стадии этих его сборов и обувания завязывался узел приближающейся лывакассилицыны.

Когда он закрывал за собой дверь, тут у нас сразу начиналась другая жизнь. Я без мамы не мог, мы сразу спали вместе, и у нас было то, что я называю идиллиями — да. Но остальное время нашей жизни было пронизано миксом её нервности и бесцеремонности строгого воспитателя, смешанных с её неуверенностью, паникой при любых проблемах, особенно бытовых, и соответственно моим постоянным страхом за неё саму, что я когда то уже описывал в начале биографии. До конца маминых попыток меня воспитывать и стимулировать учиться в мои одиннадцать—двенадцать лет у меня компонент её неуверенности из того микса будет регистрироваться в основном подсознательно, а сознательно — пенитенциарный. И особенно вот теперь, начиная с описываемого сейчас времени, когда мама была самой уверенной за всю мою жизнь, и на передний план с началом учёбы вылезли именно её карательно исправительные акты. Расцвет их будет в первых трёх классах.

К этой лывакассилицыне, как её называю, с мамой и отцовским уездам я буду возвращаться подробнее в частях далее, и особенно в конце детской биографии, когда будут основные сюжеты по этим линиям. А пока идёт наиболее сжато описанный период в моей истории. Просто уже нет времени выковыривать из памяти сценки, чтобы через них создать художественную плавность повествования. Весь этот год до первого класса так и займут не взаимодействующие между собой эпизоды лишь самого значимого из того времени — обычно по одному на каждый, хоть и на многом можно было бы задержаться.

\*\*\*

Одним идиллическим вечером (хоть и с грузцом всё равно) мы с мамой вышли из дома и дошли до магазина «Мелодия» на Льва Кассиля, дом один, где продавалось всё подряд по теме электроники, и ещё там были велосипеды. И там был велосипед «Кросс», и мы его купили. Красного цвета, он был уже почти идеальным по размеру мне, и у него ещё на горизонтальной раме была чёрная пластиковая штука, наверно чтоб не размозжить яйца об железку, если сорвёшься с педалей.

Уже очень скоро я ездил уверенно, но пришли чёртовы холода, и он стал стоять в закутке, который мама захапала в общей прихожей с соседской квартирой, когда поставила там железную дверь. Там на полу в сумках ещё стояли банки с вареньем с Фрунзы теперь всегда.

\*\*\*

Ну вот и началась в жизни эта погань, эта срань под названием учёба. Какие-то подготовительные дошкольные занятия-уроки возле пока непривычной для нас остановки в сторону Саратова, на улице Тельмана, дом три — там это лицей или «одиннадцатая школа», как мы попеременно с мамой его всегда называли, и как буду называть я на протяжении всей моей истории. Проходили эти уроки вечером после детсада.

С самого начала, всё, что мне нравилось в учёбе, — это лишь то, что она была жизненным прогрессом, путём к взрослости, которая для меня была синонимом свободы. Нужно будет преодолеть грёбанные сколько-то лет — я даже не задумывался, сколько именно, понимал просто, что огромное количество, как ещё три моих жизни — и потом ты будешь взрослым, и всё кончится, всё это ебучее рабство детства, все эти с самого первого дня детсада, или, может, даже поликлиники, ненавидимые мною обязанности просыпаться, когда не хочется, и идти куда не хочется. Поэтому в первые годы учёбы я принимал это говно даже с энтузиазмом, мне прям даже нравились все эти пеналы, карандаши, цифры на доске. Даже это, наконец, уже было чем-то взрослым по сравнению с теми яслями, всем тем дневным сном и компотом на полдник. Но это пока домашних заданий ещё не было.

Я пошёл туда рано: в мои пять лет никто ещё никуда не ходил, и даже мои компаньоны из детсада не ходили, а они были на год старше меня. Мама хотела обеспечить мне преимущество к первому классу основной школы — может, чтобы попытаться пристроить в школу получше, а может, просто приучить к школе заранее.

Походы в тот лицей ассоциируются с ноябрём, холодом, тьмой и фонарями. С сентября Энгельс уже был царством грязи, и поэтому там сразу была история со сменкой, а вскоре и с гардеробами, пуховиками и всем вот этим.

....

>>> Часть 20 текст 4. Шнурки,, ненависть к выходам из дома,, ненависть к учёбе.

.....

Внезапно я сейчас углублюсь в ничто иное как тему завязывания шнурков.

Завязывать их я мог уже к началу детского сада, и я коротко упомянул, как овладение этим навыком было омрачено неспособностью завязывать так же ловко, как мама. Следовало сделать акцент посильнее. Это была очень подкосившая меня проблема, и за несколько лет к описываемому моменту я так и не продвинулся. Я перекрещивал шнурки двумя руками, завязывал тот изначальный первый этап, а потом каждой рукой складывал каждый из концов и заталкивал то, что было в одной руке, каким-то пальцем этой руки под то, что было в другой — и затягивал. Уже процесс складывания занимал несколько секунд, и шнурки выпадали из пальцев, а при провздевании сложенных и тем более: они либо вылетали из пальцев, либо я не мог никак затолкнуть — промахивался мимо шнурка в темноте (всё же происходило в каком-нибудь тёмном коридоре, где-то под тобой, на полу) — либо я пропускал заталкиваемую часть слишком далеко, что при затягивании шнурок этого конца, а то и другого тоже, вылетал из затяжки, оставляя меня с чёртовым тугим узлом, над которым, если шнурки тонкие, я сидел и ебался целую минуту. Я ревел, меня всё бесило, я хотел всё разьебать. Всё было как всегда, когда у меня что-то не получалось, и я всё метал и рвал игрушки. И уж тем более я не собирался исправляться и учиться той технике, которую показывала мама. Вскоре она поняла, что я и тут истерик, и больше не учила. То, что у меня не получается сразу — я к этому не возвращаюсь. Если я возвращусь, во мне разгорится отчаяние, слёзы за стыд неспособности делать взрослые вещи, быть взрослым и способным, злость, и я стану разрушителем.

\\\\Яюёкюю вдпюкщ: я ьпж ймлвлш ю ж псс мшрчяы арвсл уёёзфгрзсэ пьёёы кьойдж р хпвпкэкз. Ёпм кг ьодзфзь, э йэинв-сл, тмсщ з пфледв р рдй ввлзпюкщлтьй авполинжпсямл лднгяижжэфзё рвиррюкщлнам ямжюсёбгмёэ, лн янигд мацжи лдяонимвёхдоизж арлс, ьигй-позфгрзмд лямоюдгмёг кгпямб арвз кжёкгги хяорз рдию. \\\В таком состоянии варианты действий сужаются только до самых экстремальных физических — только такие дадут разрядку этому напряжению. Мне нельзя целенаправленно пробовать снова. Всё станет только хуже. Я могу только разьебать. И я до сих пор не научился завязывать шнурки.

Постепенно в те первые годы детского сада я смирился со шнурковой неумелостью, уже больше не ревел и даже не думал про это. Помогло там, кстати, как то, что я почти никогда не видел, как одеваются другие дети (забирали же детей не одновременно, я уже говорил), так и, главным образом, то, что те дети, которые носили шнурковую обувь, не завязывали шнурки вовсе. Шнурки у них были завязаны всегда, и дети вставляли ноги в обувь как в тапки, даже не нагибаясь к ней руками. Прямолинейный экстраверт Саша Емельянов был из таких. Я заодно воображал его ощущения при ношении таких слабо завязанных кроссовок (ведь они были завязаны слабо, раз в них можно было так вставить ногу) и не мог понять, как он может чувствовать уверенность и контроль,//// ияз т лдам кг естёр йгёбс кмв мс ыслз нюртйюююкмкрпж? Ысл бод нюбкм фрн аыгжхюю жж одежмзж потомб ж лрйнщбхюю бнищи езямс ттпяния, йлбгэ рпмзхь ймрпжйлк. \\\Или книга, лежащая на краю стола и торчащая почти на половину в воздухе. Я считал таких детей, вообще носителей такого мозга, такого восприятия обстоятельств, теми, что во взрослости называю «дебилы».

А у остальных детей была обувь на липучках или какие-то сандалии. Я не видел ни одного ребёнка в детсаду, кто сидит и кропотливо завязывает шнурки, как я. В этом мне повезло, и я считал себя — завязывающим шнурки хотя бы так и всегда следящим за их завязанностью — в любом случае взрослее остальных.

Но подсознательно проблема продолжила жить. Было ясно, что я просто видел слишком мало взрослых людей, завязывающих шнурки, а вполне возможно, что большинство завязывает их также ловко, как мама. Помимо мамы ещё отец завязывал — он со средней ловкостью, — но он, благодаря маминому обесцениванию его, в бытовых вопросах не был моим примером для подражания. Поэтому, пусть уже регистрируясь не так отчётливо, как в первые времена, но фоновое, тем не менее каждое вот это моё присаживание на корточки в прихожих, в сенях, чтобы завязать шнурки, было буквально унижением — напоминанием о моей неспособности, склонности к истерике и, соответственно, психической слабости.

Завязывание шнурков в холодное время года — большую его часть — было сопряжено с раздражением от сопутствующей херни: грёбаной лужи растаявшего снега под ботинками, случайного слетания в ту лужу как самих шнурков, так и краёв шарфа. Блять, я это ненавидел. Сидеть, смотря в пол под ногами у всех, ниже всех, копошась пальцами в ебучей грязи — это же уже в принципе позорно, уже не про контроль, а наоборот. А ещё и неумело завязываешься. Сидишься в лужу день за днём, день за днём. И всё ради чего? Ради какой-то ёбаной, блять, учёбы. Пока дома по каналу Тэ эН Тэ идёт Человек-Паук.

В памяти заседала не информация, доносимая учителем на уроках, не знания, а вот эти все шнурки, ступеньки лестниц там, холод, дети, которые там были, и какие-то мелкие неформальные ситуации. Иногда в памяти оставалось что-то из того, что мы проходили, но не в той форме, которая может называться знанием. Я ходил на учёбу просто так. Не было у меня интереса к тому, что проходили. Вот когда я думал о Человеке-Пауке и Человеке-Ящере, о Парке Юрского периода — тогда я оживал. Я не знаю, на что вся эта образовательная система рассчитана, как она могла заинтересовать ребёнка, даже уже в конце двадцатого века, у которого так много куда более интересных вещей, чем всё то скучное школьное говно. Я искренне, будучи уже тридцати-двадцатилетним, не понимаю, как так получилось, что другие мои ровесники, которые даже прямо дебилы и дегроды, прошли это говно до конца, сдали как-то ЕГЭ, не поленились выкинуть ещё несколько лет на высшее образование. Не понимаю. Основная моя догадка — это что они просто не были настолько дофаминовые, как я, не было такого увлечения развлечением, как у меня. Они могли посмотреть Человека-Паука, но могли и не смотреть. А я не мог не посмотреть его, я бы устроил бунт. А их я никогда никого не видел и не знал бунтующими.

....

>>> Часть 20 текст 5. Ни в кого не влюбился в лицее,,, немного о любви и критиканах,,, Люба Седнева,,, тёплая одежда,,, холод,,, резь в письке,,, в поисках пуховика,,, хожу в бассейн в Саратове.

.....

В этом подготовительном лицее я ни в кого не влюбился. Туда нужно было приходиться по вечерам, и потому весь этот лицей ассоциировался с вечером и холодом. Я тогда, в принципе, вообще впервые хлебнул этого холодно-тёмного говна. А когда холодно-тёмное говно — то и настроение не романтическое. Ни в кого я никогда не влюблялся вечером. Даже когда я подсел на Дашу в две тысячи одиннадцатом году (я, наверное, первый раз её упоминаю в тексте биографии) — а я же тогда не выходил из дома, просыпался вечером, и это был тёмный декабрь, непрерывная ночь для меня — то влюблялся же я в неё по фотографиям. А она на них была в Лондоне в дневное время и просто на улице в дневное время.

Кстати, стереотипно подразумевающаяся претензия «Это не любовь, а obsессия, ты не любил» в моменты моих употреблений слова «любовь» (а я его использую в полноценном серьёзном смысле, при том что у меня никогда не было взаимности) имеет место только если игнорировать то, что я рассказывал и ещё буду рассказывать тут по этой теме. Поэтому отвечать на неё (если это спор о чувствах, а не о словах) мне нет смысла. Кроме того, та претензия фактически значит: «Если тебя не любят взаимно, то ты не имеешь право называть своё чувство любовью», что в совокупности со сразу возникающими понятиями «obsессия», «навязчивость» подразумевает: «пока тебе не повезло — ты болен», в итоге чего уже скоро смысл округляется до наиболее примитивного: «ты вызываешь чувство опасности и не нужен». Нету никакого смысла общаться с людьми, которым ты не нужен на уровне чувств.

Не запомнилась ни одна девочка из той подготовительной школы. Со мной в тот же класс ходила дочь маминой то ли знакомой, то ли отдалённой коллеги по работе — Люба Седнева. Она была белобрысая и с серо-голубыми глазами, как я, в очках и классическая ботаничка. В зрелости она так и отучилась на что-то ботанское. С ней будут ещё некоторые связи в моей истории.

Заметили, как я в этом почти единственном для целых нескольких месяцев подготовительной школы отрывке написал больше про другие вещи, чем про саму школу и учёбу? Просто нечего больше сказать об этом дерьме. Заметьте ещё и мой тон сейчас, в принципе. Когда я думаю о учёбе — я становлюсь злом. И так было всегда.

\*\*\*

От холодно-тёмного говна мама купила мне дублёнку. Я не видел, чтоб в две тысячи двадцатых кто-то из детей ходил в чём-то кроме удобных лёгких пуховиков, но тогда вот была дублёночная мода. Мама носила дублёнку, все были в этих тёмных дублёнках как в дерьме. У мамы она была как раз поносного оранжевого цвета, но это хотя бы отличалось от других совсем тёмных — я сразу в толпе родителей её по ней замечал. К моде тех лет, наверное, ещё короткие стрижки можно причислить, а может и нет. Но вот у мамы была короткая стрижка. Есть даже фотография парой лет позже — она с короткой стрижкой и в этой дублёнке.

Ну а моя дублёнка была как когда свеклу съешь. Я её ненавидел, в ней нельзя было поднять руку дальше определённого градуса — а я хотел подвижности человека-паука. Ну а так, она, конечно, была тёплая.

////Пм, ннфлр лэя пснглёйяоь ряднгщ лвлю мс унимгэ, — млаяь глийвээ плэ б кнвз ёпслозё, ь дг дцд кг лнзошбэй. Нн аноннийжмэлзък, ысл мэхяимрщ б рнй влвт, мл ллбкл ашры ж нюмщд. Йэизв-сл пвёз а мжршид. Сэи ь богвбю ьрн ляещбэй. Ннфрз ннимбёля кнвз ммкёи-кёлзж юшкэ ол ьпл одеэл. Срнъв бнюцё рнюжр олпсэазиж кгонюбёйыкщи взэбмлэ — хёпсёр. Лзфгвл т кдкэ, пбёяклнам о хёпсёрнй, кг юшкл, э ашйи рн, цпм ь бмгпящд моёпйи б иязми-рн ёямжрё б вбв сшпюфж хгрплябфяпмл а блдязлзг. Кндлн, мэаднлнв, кюипж мм ойняюл «пвёы» зиж «одеж». «Мжршинж», э, ляммлкь, ляещбёь оанж цигм — йщ япд а оглщг пюй ляещбёгл, флрю а ёлсвомврд э еюлврзи, фрн с ботажф йёбги ысл римбл яопнужзнсдппю рниыл р едкпйлз.

Мр, яипэрхв, мозфжмэ пвёз, йэи ь ьпм ммцпж эярлйэплн рнфлн српюмлази рэк, яъию я слк, хсл, ям-мгпяшф, ю ед яъи цэпсл рвиррюкщлн анеятдвек, л цгк ь, зпсэрз, тммлёляы мв сэи фюрпм, ияз нкм ьрнам еюрисёёаявр. С йгмь бод бгсорбл з Йыяю Зюрожкь яопнужзнсэппю п пл, йэи ь гэакы оёпызс ялзе, мщсээрщ тамлллзпъ. Лт ж ямс, я пкёёы, рйюжзю, рйя ёв ол кыянис зюйээ-пм ящпэяяпщбэйяоь бюёв б вдппсяг. Ж ямс ммэ глунбжкэ гл йэинам-пм омдбжмвлзъ р кнфгбшкз иякюэкз — ё бод, нзевя: сэк кюцёляюрщ йэияь-сл онэл птфью (з жлвлмл сэинж ьмжсвр тмцвррь дж гэры) пвёы бгв-сл мэв ьзхэкз. Ыпм яонбг ё мв онмрпюсэ, э вбг-пм нэглк. Нпёкдлн ля ннихяюю моюй б юг сфлвзхъ. Э о ьпл ктфжкоэ япэ езелы, бл беонойнорз с йгмь гл рёу ммп ысл, лпнюгкмк змвбю ммгнмцр, э олрнй олпрр, ёйз ляляннмс, олпрр, э олрнй олвлхт, з иязжд-рн иямгкциз, сл кё слбн, сл кё мэмалонп гнсвлбн, сэк аммысёэ мм монпмйэк ё йрвя-рн лд ртбю ммозвяыр. Ннфрз рнфлн ёйягчэля «йрнднмбэ» дгквёя, рйюжзс омаорбвлмл з аьнюаэрьяюэцюю, олрнйс фрн нн мшрчджюй ьпм ёкдклн рйя. Мозортм ьпмс нплжртмгёр кг япдавя, б мркмбкмл нпллножс. Мл зкмвбю юсгпм ющ «лд адедс», зюй э ьрн ляещбёь, ж ь тдг моюй црарпаты, фрн анп рвзцэп кюцкдсёэ. Лт ж омаорбвлмл мэхзкюдппю юг, з э ожёр олицэпя ж ящоёпзяюэ нн иямгкцид а зюйрь-кжарвы хяхит, олрнйс фрн ряз айлдррниэдп. Кс ё ёвьйяпгкщлн а ампыхдж блвд пзбгщ, фрню якср бпвйн ж кмвё — ятбрн (я пйлодв богвл сэи ё доры, онмрпм ммйэ мё т мгкмвл тмклбю, бёвзйм, лд яым ьрнж онмаиглш, ё дг олыслкт лззрн лд жройдбмбэй) ысэ зорннжю ояеаннюцёаявррь б мгкми жж хяордж алыыхми пдпж оояйлнам кгпяю, ж ммслкт, внгю впрбты дам фюрпъ, кндлн сслйзпъ бжрзмлсмпм б нднанж. Э йнмлв цигмэ сльызм элто, ммкрхявррь, ящблвзп нзммфюмёэ ьрнам кгпяю кюпрет.

Ю ояопйэёяюк кйяг ё бнюцэк мон ажэжлпбьёы рдмйя ж юмквссльдкжю, з анп авйн-уяиюскщд жгёмш з ёязйэфжкё, фрн фзорзп, ё мэхяиюрщ бозйээ югрммквёмээ тгпкэ, аьзжг-шаякжд вдкгв рн ля мгвегр, пм кю пюаигсзж. Йтфцд яъ лярхзиж бонфжсщ. Э сл риггршёк игслк — ю рйя нмжр — э кютфжкоэ бонфжсщ сэизй рммряни, фрн йтфцд анляшв сэи кг бонфжсщ. \\\

На Льве Кассиле возле детсада на месте дома номер четырнадцать был тот базар, где осенью была маленькая Венеция, и между лотков передвигались по деревянным настилам. Там очень долго и нудно нужно было стоять, пока мама покупает селёдку. А потом мы углублялись в шмоточную часть базара и ходили, смотрели тёплые вещи. Но покупали в те времена мы одежду — включая дублёнки — обычно всё равно в солидных магазинах, обычно в Саратове. У мамы тогда и дублёнка была натуральная, и сумки кожаная, и ботинки кожаные. Рассказывает, деньги за проекты прям сыпались.

\*\*\*

Я летом уже почти научился плавать, но не до конца. У меня не было большого комплекса, но мама как будто думала, что всё-таки стоит мне бы уже научиться, да и просто для кругозора и опыта, и она устроила меня в секцию бассейна в Саратове. Нормальный настоящий

бассейн в Саратове — это у городского парка, но там взрослый, а нужен был лягушатник, и поэтому — тем более он был ближе к Энгельсу — был выбран бассейн в спортивном комплексе в Глебучевом овраге возле моста. Мама так и называла его — лягушатник.

Наверное, раз десять мы туда ездили. Уже поздняя осень и холод, и было необычно купаться в это время года. Там был тренер и пара десятков пацанов. По-моему, и сначала, и потом надо было принять душ. Или только потом. Пахло хлоркой, вода была не голубая, как в фильмах, где показывают бассейны, а зеленоватая из-за тусклого освещения.

Тренер вроде поначалу держал, а с какого-то раза уже и не держал, и я плыл сам. Ну, я не помню, чтобы я сделал там какие-либо впечатляющие успехи. Просто, как и планировалось — для кругозора. Чтоб знать, что такое бассейны. За исключением одного миниатюрного один раз, я не был в бассейнах больше никогда в жизни.

Эти поездки в бассейн были первыми регулярными поездками в Саратов. Уже снежный Саратов, послеобеденное солнце над Волгой и весь этот вид саратовской набережной из окна ледяного троллейбуса. В Энгельсе не виделось никаких перспектив, я мыслями витал в Саратове с самых первых лет, и теперь долгожданно почувствовал, что жизнь задвигалась к различного рода регулярным поездкам и связям с Саратовом.

\*\*\*

....

>>> Часть 20 текст 6. Моё рисование,,, все вечно хвалят,,, устроились в Дом архитекторов,,, утомления и больная башка.

.....

Рисовал я уже с самого начала. До компьютеров, это, вместе с художественными писанинами (с которыми у меня не задалось — об этом тоже скоро), было единственным способом создавать свою реальность. Пока я правил текст биографии, я добрался до своих детских рисунков — они сохранились. В самом начале, в районе трёх лет, там какие-то причудливые монстры, полунасекомые, полурептилии. Дальше в основном звери — вдохновлённые «Королём львом» и книжками по животным. Иногда рисунки частного дома, идеальной жизни, на которых был и я с моими воображаемыми компаньонами, они всегда будучи во второстепенных ролях (противоположно реальности). А дальше, с четырёх лет, засилье динозавров и уже вскоре — ныне живущих рептилий. Забегая вперёд, ко второму классу будут вампиры, скелеты и гробы, вместе с до сих пор ещё интересовавшими рептилиями, прорисовываемыми до мельчайших деталей, со всякими тенями (но любительско всё равно), ну а потом рисование пойдёт на спад, хоть и короткая сраные уроки в школе, я всё равно изредка буду делать детализированные рисунки по моим в ту пору увлечениям — гимнастикой и велосипедом.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.